„КРУЖОКЪ ДВОРЯНЪ“
МОСКОВСКІЙ СОВѢТЪ.

МД.10 427

ДВОРЯНСТВО
ВЪ РОССІИ.

17677

В. Г. К.

САМАРА.
Типографія Губернскаго Правленія.
1898.

МД10 427

ДВОРЯНСТВО
ВЪ РОССІИ.

1464/1

В. Г. К.

САМАРА.
Типографія Губернскаго Правленія.
1898.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
916735

Дозволено цензурою Декабря 20 дня 1897 г. Г. Москва.

Дворянство въ Россіи.

Point de monarque—point de noblesse,
point de noblesse—point de monarque.

Montesquieu.

Народы, не имѣющіе дворянскаго класса,
не способны къ политической жизни.

М. Н. Катковъ.

Задумавъ по мѣрѣ возможности изслѣдовать вопросъ о положеніи дворянства въ Россіи, преимущественно со стороны необходимости, при нашемъ государственномъ строѣ, сохраненія его, равно и тѣхъ мѣръ, которыя могли бы послужить къ возстановленію его политическаго значенія, мы, не дойдя еще до окончанія нашего труда, были обрадованы Высочайшимъ повелѣніемъ, 13 Апрѣля 1897 года, объ образованіи Особаго Совѣщанія для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ дворянскаго сословія и соображенія мѣръ, которыя могли бы обезпечить помѣстному дворянству способы нести и впредь его исконно-вѣрную службу Престолу и Отечеству. Эта новая милость Монарха, поощряющая и наши посильныя занятія, послужила поводомъ болѣе скораго окончанія таковыхъ и даетъ смѣлость представить суду публики настоящій трудъ, хотя, признаемся сами, не достаточно тщательно обработанный. Желаніе по возможности скорѣе подѣлиться нижеслѣдующими мыслями, а затѣмъ считая одни наши соображенія, при изслѣдованіи столь высокаго и животрепещущаго вопроса, какъ дворянскій, слишкомъ слабыми и недостаточно убѣдительными, мы старались, по возможности чаще, оправдывать ихъ выдержками изъ сочиненій лицъ, вполнѣ авторитетныхъ, придавъ такимъ образомъ нашему труду компилятивный характеръ. Въ виду сказанныхъ двухъ обстоятельствъ, во имя преслѣдованія нами цѣли: пользы Отечества, да не посѣтуютъ на насъ Гг. высокочтимые авторы выписываемыхъ строкъ за обильное пользованіе ихъ трудами.

ГЛАВА I.

„Неравенство“ въ человѣческихъ обществахъ и естественная аристократія.

«Понятіе о равенствѣ, или хотя бы какомъ-либо состояніи, приближающемся къ равенству между различными отдѣльными личностями общества, лишь мечта и къ тому же дикая. Всякія попытки установить это равенство, по необходимости, должны были ограничиваться только запрещеніями внѣшнихъ отличій, званія и привилегій, и преграждеіемъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Но разнообразіе въ характерахъ и умственныхъ способностяхъ людей, естественныя наклонности человѣческаго духа, разные подвиги, совершенные людьми или ихъ предками, полагаютъ основаніе естественной аристократіи въ предѣлахъ несравненно болѣе глубокихъ и обширныхъ нежели предѣлы, доступные для какой бы то ни были законодательной предусмотрительности, ибо никакія предосторожности законодательной

власти не въ силахъ уничтожить отличія, возникающія изъ самой сущности человѣческой природы». Вотъ какимъ образомъ, между прочимъ, выражаетъ свой взглядъ на аристократію извѣстный писатель и государственный дѣятель Великобританіи лордъ Брумъ.

Обращаясь отъ этихъ словъ ученаго трактата къ дѣйствительности и вглядѣвшись въ настоящее положеніе человѣческихъ обществъ, на всѣхъ концахъ нашей планеты, мы не можемъ не усмотрѣть той пестроты, того разнообразія, которыя встрѣчаются въ положеніяхъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, равно какъ и отношеній къ нимъ со стороны всего населенія земнаго шара. Лицо, одаренное какимъ либо превосходствомъ личныхъ качествъ или имуществъ, несомнѣнно пользуется особеннымъ къ нему отношеніемъ, внушаетъ извѣстное почтеніе, выдѣляется и становится выше общаго уровня людей. Если не вліяніе и власть, то во всякомъ случаѣ большая независимость составляетъ удѣлъ людей въ чемъ либо превосходныхъ. Одно обстоятельство, что ихъ число значительно менѣе, привлекаетъ на нихъ взглядъ большинства, они собственники того, что составляетъ предметъ желанія всего человѣчества и что еще болѣе усиливаетъ ихъ превосходство.

Достаточно бѣглаго взгляда, брошеннаго на прошедшія времена человѣчества, во всѣхъ частяхъ свѣта, во всевозможныхъ періодахъ жизни отдѣльныхъ народностей: возникновенія, развитія и паденія ихъ, для полнаго сознанія того обстоятельства, что не было такого момента человѣческой жизни, когда бы существовало равенство всѣхъ отдѣльныхъ его членовъ. Отсутствіе самаго факта равенства не означаетъ еще мертвенности идеи равенства, роста ея и борьбы съ противнымъ принципомъ неравенства. Напротивъ въ жизни всѣхъ народовъ мы встрѣчаемъ постоянное движеніе впередъ обоихъ этихъ явленій, и представляется нѣкоторое затрудненіе усмотрѣть, что сдѣлало болѣе успѣховъ въ исторіи человѣчества: равенство или неравенство. Если въ основаніи общественнаго строя древнихъ республикъ лежало рабство, то оно исчезло въ европейскихъ государствахъ, всѣ классы общества пользуются на общемъ основаніи всѣми благами образованности и промышленности, гражданскаго порядка и суда, между тѣмъ въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, нищета растетъ и въ прогрессирующихъ государствахъ развиваются самыя крайнія противоположности богатства и бѣдности *).

Фактъ неравенства въ человѣческихъ обществахъ подкрѣпляется тѣмъ, что обратное ему явленіе—равенство противно самой человѣческой природѣ. Развѣ отдѣльный человѣкъ можетъ представить намъ примѣръ постояннаго равенства своихъ свойствъ, характера, стремленій, не поддающихся внѣшнимъ вліяніямъ? Тотъ же человѣкъ то лучше, то хуже, но всегда иной въ различныхъ временахъ и сферахъ дѣятельности. Развѣ солдатъ на полѣ брани не выказываетъ иныхъ качествъ, чѣмъ крестьянинъ въ своей малокультивированной средѣ; почему ребенокъ пріобрѣтаетъ различное воспитаніе въ семьѣ и школѣ, а субъектъ, испытавшій гостепріимство тюрьмы, покидаетъ ее болѣе порочнымъ. Вышесказанное подтверждается превосходными словами Г. Spectator'а **). «Принципъ жизни», говоритъ онъ, «состоитъ въ непрерывномъ, безсознательномъ и сознательномъ измѣненіи человѣка; заставьте его быть вѣчно равнымъ—и вы достигните этого лишь тогда, когда лишите его жизни. Равенство по естественнымъ законамъ природы настолько несовмѣстимо съ физической и духовной природой человѣка, что режимъ абсолютнаго равенства никогда ему навязанъ быть не можетъ. Подчините людей, посредствомъ самыхъ строгихъ законовъ, полному равенству—и тотчасъ же въ силу самой природы, эти законы будутъ нарушены. Человѣкъ всегда старался, старается и будетъ стараться чѣмъ бы то ни было превзойти другаго и въ этомъ естественномъ вѣчномъ сопер-

*) Le Play. Constitution essentielle de l'humanité.
**) «Московскія Вѣдомости» 1892 г. № 343.

ничествѣ лежитъ основное движущее начало всей исторіи, всей культуры, всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ завоеваній человѣчества. Если мы гордимся этими завоеваніями, если мы надѣемся на дальнѣйшее ихъ расширеніе, то мы должны помнить, что они были возможны и будутъ возможны лишь пока въ человѣкѣ будетъ находиться великій стимулъ къ самоусовершенствованію, къ самовозвышенію надъ общимъ уровнемъ другихъ людей. Не будь у человѣка этого стимула—и человѣчество никогда бы не возвысилось надъ уровнемъ тупого животнаго состоянія».

Оставляя въ сторонѣ преимущества, созданныя и поддерживаемыя искусственно, остановимся на естественныхъ причинахъ, какъ онѣ сложились въ современной общественной жизни, рождающихъ и укрѣпляющихъ, независимо отъ личной человѣческой воли, неравенство отдѣльныхъ членовъ рода людскаго. Успѣшная борьба съ этими причинами и устраненіе ихъ не только превышаетъ предѣлы данной человѣчеству жизнедѣятельности, но первая изъ нихъ перешедшая извѣстный предѣлъ неизбѣжно послужитъ къ общему вреду. Обращаемся къ вышеуказаннымъ причинамъ: *)

Свойства самой природы—почвы, климата и мѣстоположенія весьма неравномѣрно распредѣлены между человѣческими поселеніями. Въ одной полосѣ земнаго шара, человѣкъ лишь протягиваніемъ руки къ дереву обезпечиваетъ себя самого роскошною пищею, тогда какъ въ другой онъ долженъ тяжелыми и продолжительными усиліями добывать свой хлѣбъ насущный; въ одномъ климатѣ ему достаточно труда нѣсколькихъ дней, чтобы защитить одеждою естественное чувство стыдливости, въ другомъ—онъ вынужденъ отдать, быть можетъ до половины всей своей дѣятельности только на то, чтобы сохранить свою жизнь и здоровье отъ гибельнаго вліянія непогоды.

Физическій организмъ человѣка, очевиднѣе проявляющійся въ различіяхъ характеровъ, свойствъ, стремленій и т. п. цѣлыхъ племенъ человѣческихъ. Одному изъ таковыхъ достается въ жизни удѣлъ побѣдителей, а другому—побѣжденныхъ; одно является самостоятельнымъ творцомъ собственной цивилизаціи, другое же довольствуется лишь заимствованіемъ всего чуждаго; нѣкоторымъ племенамъ свойственна жизнь болѣе духовная, идеальная, тогда какъ другія развиваютъ преимущественно свои матеріальные инстинкты.

Происхожденіе человѣка представляетъ болѣе вѣскую причину общественнаго неравенства, чѣмъ помянутыя различія внѣшней природы и человѣческаго организма. Подъ словомъ происхожденіе мы разумѣемъ самый фактъ рожденія, совершенно независимо отъ всѣхъ другихъ общественныхъ преимуществъ, проявляющихся въ связи съ рожденіемъ и получающихъ отъ него еще болѣе силы; говоримъ единственно о фактѣ рожденія, какъ нити, соединяющей въ глазахъ всего человѣчества одно лицо съ другимъ. Этотъ фактъ имѣетъ несомнѣнно большое значеніе въ общественномъ мнѣніи. Какъ мы всегда отличаемъ въ своемъ домѣ сына близкаго намъ лица, такъ и общество всегда отличаетъ дѣтей, носящихъ имена имъ уважаемыя. Жизненный путь дѣтища извѣстныхъ родителей значительно легче въ силу самаго факта его рожденія. Вниманіе къ появленію на свѣтъ однаго и отсутствіе заботливости по отношенію къ другому придаютъ первому значительныя преимущества. Нѣтъ сомнѣнія, что потомокъ лицъ, отличавшихся своими доблестями въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, пользуется выгодами своего общественнаго положенія усиленнѣе сына лишь славныхъ родителей.

Самое наслѣдственное обладаніе тѣми свойствами, которыя выдѣляютъ человѣка изъ общаго людскаго уровня, имѣетъ нѣкоторое вліяніе на характеръ и привычки его и такимъ образомъ, дѣлается само по себѣ, причиною его отличій. Онъ никогда не былъ принужденъ жить въ низкой и грязной средѣ, не зналъ презрѣнныхъ за-

*) В. П. Безобразовъ. Аристократія и интересы дворянства. «Русскій Вѣстникъ» 1859 г.

нятій, не былъ стѣсненъ зависимостью отъ другихъ лицъ, не терпѣлъ оскорбленій и притѣсненій; его чувства должно предполагать болѣе нѣжными, умъ развитѣе, нравственныя начала чище и возвышеннѣе—чѣмъ у людей, которые проводятъ жизнь въ борьбѣ съ тяжелыми житейскими невзгодами.

Причину превосходства положенія потомка цѣлаго достойнаго рода слѣдуетъ видѣть не въ одной большей давности и прочности обладанія исключительными свойствами ряда поколѣнія людей, а въ присущемъ людямъ влеченіи смотрѣть съ меньшимъ уваженіемъ на тѣхъ, которые весьма недавно стояли на уровнѣ съ ними. Превосходство, слишкомъ быстро достигнутое, непремѣнно встрѣчаетъ на своемъ пути то чувство досады, съ которымъ люди смотрятъ на возвышеніе людей, извѣстныхъ имъ столь недавно за себѣ равныхъ. Отъ этого чувства приходится нерѣдко встрѣчать врожденное у многихъ людей чувство предпочтенія отличій, переданныхъ предками, предъ лично пріобрѣтенными. Указывая на причину выдающагося положенія нѣкоторыхъ личностей, мы не утверждаемъ, что самъ человѣкъ лучше или хуже именно потому, что отецъ или предокъ его были добродѣтельны или порочны, болѣе способны и образованны или безталантливы и несвѣдущи, именно потому, что родъ его оказалъ большія услуги отечеству или принесъ одинъ вредъ. Хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать, что нѣтъ людей, которые были бы совершенно непричастны гордости происходить отъ выдававшихся личностей и съ другой стороны толпы, не перенесшихъ на этихъ людей нѣкотораго особеннаго чувства и уваженія, которыми чтитъ память ихъ предковъ.

Личныя врожденныя качества ума, способностей, таланта и характера, дающія безспорно человѣку, обладающими таковыми, силу и перевѣсъ предъ другими менѣе щедро надѣленными природою. Значеніе личнаго природнаго превосходства распространено всюду, во всѣхъ безъ изъятія отрасляхъ человѣческой дѣятельности, хотя всего болѣе замѣтно въ свободныхъ искусствахъ, потому что въ нихъ главную роль играетъ талантъ, а талантливость человѣческой натуры есть существеннѣйшее изъ личныхъ превосходствъ. При самыхъ напряженныхъ усиліяхъ воли и труда, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ воспитанія, люди недаровитые должны терпѣть преобладаніе со стороны людей талантливыхъ. На всякой ступени человѣческаго развитія, различныя качества, иногда одно другому совершенно противныя, даютъ превосходство, начиная отъ грубой матеріальной силы, составляющей отличіе между дикарями, до художественныхъ талантовъ, цѣнимыхъ образованными слоями человѣчества. Каждому извѣстно, что есть люди, по природѣ своей внушающіе симпатію, отсюда популярность таковыхъ; снисходительность къ нимъ общественнаго мнѣнія: любимому человѣку прощается легко то, что мы не простимъ человѣку, котораго не отличаемъ отъ толпы. Нельзя не упомянуть о внѣшней наружности человѣка, къ изяществу или безобразію которой неравнодушно никакое общество. Женская красота безъ сомнѣнія всюду создаетъ аристократію, но, по особеннымъ свойственнымъ исключительно женской природѣ качествамъ, деспотическую и несправедливую.

Кромѣ этихъ четырехъ причинъ людскаго неравенства, не подчиняющихся никакимъ человѣческимъ: волѣ, труду и произволу, обратимся къ тѣмъ отличіямъ, которыя не свободны отъ вліянія какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества.

Знаніе, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, есть преимущество и сила въ рукахъ человѣка предъ человѣкомъ безъ знанія. Не только знающій то дѣло, надъ которымъ трудится, долженъ менѣе незнающаго тратить на него времени и труда, но послѣдній иногда даже вовсе не можетъ за него взяться. Есть занятія исключительно возможныя для людей знающихъ. Съ развитіемъ народной дѣятельности, занятія постоянно болѣе спеціализируются, т. е. все болѣе требуютъ, для своего успѣха, тщательнаго знакомства съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кругъ занятій, доступныхъ для каждаго человѣка, постепенно съуживается, переходъ отъ однихъ

занятій къ другимъ болѣе затрудняется. Если сравнить состояніе кочевниковъ съ образованнымъ обществомъ, то мы найдемъ, что у первыхъ каждый человѣкъ легко и во всякое время можетъ взяться за всякаго рода работы, потребныя его племени; въ образованномъ обществѣ крестьянинъ никакъ не можетъ сдѣлаться не только въ одинъ день, но и во весь свой вѣкъ, искусстнымъ фабрикантомъ, литераторомъ, государственнымъ дѣятелемъ. Историческая жизнь, равно какъ и настоящее положеніе народовъ воочію убѣждаетъ, насколько заслуживаютъ превосходство образованные люди предъ необразованными. И это превосходство не только не ослабѣваетъ, но очевидно дѣлается сильнѣе съ общими успѣхами нравственныхъ и соціальныхъ воззрѣній, промышленности и науки. Чѣмъ болѣе развивается историческая жизнь народа, чѣмъ въ большее соприкосновеніе входитъ онъ съ остальнымъ міромъ, тѣмъ болѣе нужно образованныхъ людей для успѣха всѣхъ родовъ его дѣятельности, тѣмъ менѣе имѣетъ цѣны трудъ необразованнаго и тѣмъ, наконецъ, большій перевѣсъ и преобладаніе получаютъ группы образованныхъ людей надъ необразованными.

Воспитаніе имѣетъ громадное значеніе въ человѣческомъ общежитіи и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественный элементъ неравенства его членовъ. Благовоспитанностью мы называемъ пріобрѣтаемую человѣкомъ совокупность такихъ духовныхъ качествъ, которыми онъ руководится въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему обществу съ цѣлью сдѣлать эти отношенія пріятными для всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло. Всякому несомнѣнно извѣстно, что самыя непріятныя отношенія, самыя щекотливыя дѣла становятся менѣе тягостными съ человѣкомъ благовоспитаннымъ, чѣмъ невоспитаннымъ.

Опредѣленныхъ формъ благовоспитанности человѣчество не выработало; по мѣрѣ измѣненія нравовъ и обычаевъ страны, понятій эпохи и народа о тѣхъ нравахъ и обычаяхъ, которые наиболѣе удобны и пріятны во взаимныхъ отношеніяхъ людей— мѣняется и самая форма благовоспитанности. Во внѣшней формѣ ея отражается нравственный идеалъ эпохи и народа; отдѣльный человѣкъ можетъ не сознавать сущности этихъ формъ и подчиняться имъ лишь вслѣдствіе привычки, пріобрѣтенной имъ въ раннемъ возрастѣ, или же вслѣдствіе необходимости имѣть дѣло съ людьми, уважающими эти формы. Отдѣльный человѣкъ можетъ не подчиняться этимъ формамъ, или потому что онъ еще не доразвился до нравственнаго идеала своей эпохи, или же потому, что переросъ его; но чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ между людьми данной эпохи и данной страны, необходимо покоряться усвоеннымъ формамъ благовоспитанности. Коль скоро съ благовоспитанными людьми отношенія пріятнѣе и легче, чѣмъ съ людьми дурно воспитанными, то вполнѣ естественно, что для успѣха своей дѣятельности первые имѣютъ преимущество предъ вторыми.

Воспитаніе человѣка съ перваго дня рожденія продолжается въ теченіи всей его жизни. Но первое и рѣшительное направленіе дается съ дѣтства и такимъ образомъ не зависитъ отъ воли каждаго; пріобрѣтаемое же впослѣдствіи покупается силою его труда. Въ зрѣломъ возрастѣ воспитаніе зависитъ преимущественно отъ условій жизни и отъ общественной среды, въ которую каждый поставленъ; оно дается человѣку внѣшними условіями его жизни. Это нравственный капиталъ, накопившійся трудомъ исторіи всѣхъ поколѣній у нѣкоторыхъ народовъ и въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Онъ передается преемственно людямъ, и каждый получаетъ въ силу своего рожденія, богатства, рода занятій только извѣстный, весьма неравный процентъ съ этого капитала. Отмѣтимъ тутъ, что и *преданія* играютъ въ воспитаніи человѣка и народа значительную роль, сохраняясь племенами, группами людей и семьями.

Благосостояніе—избытокъ имущественныхъ средствъ—оказываетъ значительное превосходство въ непосредственномъ удовлетвореніи различныхъ потребностей или въ потребленіи вообще, въ промышленной дѣятельности или въ производствѣ новаго богатства и въ развитіи умственныхъ потребностей.

Безъ всякаго сомнѣнія преимущество людей въ обладаніи разными предметами потребленія очень живо ощущается ими и чѣмъ болѣе это неравенство нисходитъ къ самымъ первоначальнымъ и естественнымъ нуждамъ жизни, тѣмъ болѣе рѣзкой является противуположность удовлетворенія и наслажденія съ одной стороны, и лишенія и страданія съ другой. Въ личныхъ матеріальныхъ потребностяхъ есть впрочемъ извѣстная граница, далѣе которой является уже прихоть, соблазнъ роскоши и пресыщеніе; потребность удовлетворить этимъ прихотямъ можно побѣждать нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Но терпѣніе бѣднаго можетъ подвергнуться дѣйствительному испытанію, когда онъ замѣтитъ, что при всемъ возможномъ напряженіи воли и труда, онъ во всякой отрасли промышленной дѣятельности постоянно получаетъ несравненно меньшую долю богатства. Чѣмъ болѣе развивается страна въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ болѣе значительную роль играетъ капиталъ, тѣмъ неудовлетворительнѣе дѣлается произведеніе труда безъ капитала. Промышленное превосходство богатаго надъ бѣднымъ не только связано со всякимъ производствомъ, но оно, какъ будто, даже возростаетъ исполинскими шагами, вмѣстѣ съ возрастаніемъ народнаго богатства и цивилизаціи; оно, какъ будто, само развивается вмѣстѣ съ историческимъ прогрессомъ, а историческій прогрессъ неизбѣженъ.

Еще болѣе важно умственное и нравственное вліяніе богатства. Матеріальное благосостояніе обусловливаетъ доступъ ко всѣмъ духовнымъ благамъ жизни, ко всѣмъ тѣмъ интересамъ, которые собственно дѣлаютъ человѣка человѣкомъ. Недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ лишаетъ людей воспитанія; бѣдность до послѣдняго дня жизни держитъ дѣятельность мозга подъ тяжкимъ гнетомъ дѣятельности мускуловъ. Такъ имущественное неравенство обращается въ неравенство образованности и богатство становится источникомъ не только экономическаго, но и общественнаго неравенства. Отсюда, между прочимъ, видно, что стремленіе со стороны неимущихъ къ высшему образованію, доступному лишь болѣе обезпеченному классу общества, нельзя счесть за фактъ нормальный въ человѣческой жизни.

При громадномъ разнообразіи своихъ формъ, каждый видъ имущества обладаетъ столь отличительными свойствами, что въ самой средѣ его мы находимъ также нѣкоторое неравенство. Разбирать хотя нѣкоторыя изъ таковыхъ формъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а потому ограничимся болѣе подробнымъ изложеніемъ отличительныхъ сторонъ лишь одного рода богатства, дающаго собственнику наиболѣе преимуществъ, это земля. Будучи отдана въ наемъ другимъ лицамъ и не требуя при этомъ никакой хозяйственной дѣятельности отъ владѣльца, земля, какъ и всякій денежный капиталъ, можетъ приносить ему доходъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ еще особыя преимущества, которыя болѣе или менѣе чужды всякой другой собственности. Землевладѣльцы при незначительныхъ усиліяхъ воли, единственно пользуясь вліяніемъ всеобщихъ успѣховъ благосостоянія и гражданственности, могутъ довольствоваться не только своими доходами, но и увеличеніемъ ихъ и быть вполнѣ увѣренными въ обезпеченности своего семейства и своего рода въ близкомъ будущемъ. Кромѣ того и особенно достойно вниманія, что не одна собственность не завязываетъ такихъ тѣсныхъ отношеній между ея владѣльцемъ и окружающимъ населеніемъ. Вліяніе, пріобрѣтаемое землевладѣльцемъ хотя въ теченіе короткой хозяйственной дѣятельности, продолжается на многіе годы. Оно не ограничивается еженедѣльною выдачею задѣльной платы, какъ на фабрикахъ, но проникаетъ во всѣ внутреннія пружины быта мѣстнаго населенія, во всѣ его семейныя и нравственныя отношенія. Жизнь землевладѣльца, его отца, дѣтей, связана съ землею, которую обрабатываетъ и на которой живетъ. Перемѣнились коммерческія обстоятельства и купецъ переноситъ свою лавку съ одного края города на другой, даже въ другой городъ; фабрикантъ закрываетъ фабрику; сегодня взялъ онъ тысячу работниковъ, завтра возьметъ только десять; сегодня онъ построилъ заводъ, завтра—пароходъ и т. д. Землевладѣлецъ, положимъ, можетъ также сегодня продать имѣніе, а завтра купить другое, но земля

никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ такихъ же спекуляцій, какъ всякое другое имущество. Вообще земледѣльческое населеніе самое осѣдлое и консервативное и если нѣкоторые землевладѣльцы не достаточно пользуются выгодами своего общественнаго положенія, то въ этомъ виновато не таковое, а они сами. Если обезпеченности своего положенія въ своихъ помѣстьяхъ они предпочитаютъ жизнь въ скученныхъ большихъ городахъ, если они гонятся, взамѣнъ уваженія окрестнаго населенія, привязаннаго къ нимъ лично и ихъ роду, за скитаніемъ по столичнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, пріемнымъ сановниковъ и великосвѣтскимъ салонамъ—то это доказываетъ нежеланіе цѣнить и пользоваться своимъ положеніемъ.

Родъ занятій, который выпадаетъ на людскую долю, отчасти способствуя воспитанію, вліяетъ на ея неравенство. Общественное положеніе, которое связано съ каждымъ родомъ занятія, не одинаково выгодно для всѣхъ трудящихся и вся совокупность общественныхъ условій, подъ вліяніемъ коихъ происходитъ тотъ или другой трудъ, не одинаково благопріятна для независимости общественнаго положенія трудящихся. Общественное положеніе художника и литератора всегда пріятнѣе положенія маляра или наборщика. Всѣ занятія, въ которыхъ преобладаетъ умственный трудъ надъ механическимъ, составляютъ въ настоящее время аристократическую отрасль труда. Самое рѣзкое превосходство предъ всѣми занятіями въ обществѣ, самая большая степень власти и вліянія представляется въ классѣ людей, несущихъ на себѣ обязанности администраціи и государственнаго управленія, такъ что собственно ему и присвоено названіе «власти». Во всѣхъ группахъ людей различіе общественнаго положенія очевидно для каждаго, хотя бы всевозможныя чисто экономическія или денежныя выгоды занятій были уравнены до возможной степени, и хотя бы люди этихъ группъ употребляли одинаковое количество терпѣнія и труда.

Всѣ описанныя общественныя преимущества являются въ народныхъ массахъ не спорадически, т. е. люди, одаренные ими не бываютъ разъединены и разобщены, а большею частью сосредоточиваются въ группахъ, составляютъ *общественную среду*, такъ что всюду мы видимъ собственно не людей богатыхъ или бѣдныхъ, образованныхъ или необразованныхъ, а цѣлыя группы и классы: бѣдныхъ и богатыхъ, образованныхъ и необразованныхъ, землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ и т. д. Единство интересовъ съ одной стороны и большая или меньшая преемственность всѣхъ преимуществъ посредствомъ рожденія, воспитанія и наслѣдства соединяютъ людей къ однимъ средоточіямъ. Около каждаго отдѣльнаго человѣка группируется та или другая общественная среда и одна уже принадлежность человѣка къ той или другой изъ таковыхъ сообщаетъ ему нѣкоторую долю вліянія, сопряженнаго съ тѣми общественными преимуществами, которыя преобладаютъ въ этой средѣ.

Каждая изъ разсмотрѣнныхъ нами причинъ, обусловливающихъ неравенство отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, служитъ сама по себѣ достаточнымъ основаніемъ для особеннаго положенія того лица, до коего оно касается, тѣмъ болѣе въ превосходной степени. Если существуютъ двѣ и болѣе таковыхъ причинъ, то само собою положеніе лица становится привилегированнѣе, причемъ нельзя не замѣтить, что различныя причины отличій у нѣсколькихъ лицъ, ставятъ ихъ въ соперничающее положеніе относительно вліянія на окружающую среду. Наконецъ, лицо, имѣя возможность пользоваться превосходствомъ всѣхъ приведенныхъ причинъ, получаетъ несомнѣнно наиболѣе выдающееся общественное положеніе. Человѣку, отмѣченному богатствомъ, не составитъ труда получить первенствующее значеніе предъ лицомъ, менѣе обладающимъ матеріальными средствами, но возможно допустить, что ему придется уступить первенство лицу, менѣе состоятельному, а одаренному отъ природы личными качествами, благовоспитанному и образованному. Для всякаго ясно представляется та неприступная граница, которая отдѣляетъ потомка доблестныхъ предковъ и отца, рожденнаго съ особенными умственными и нравственными достоинствами,

выращеннаго въ выдающейся всѣми признаками общественнаго отличія средѣ, получившаго съ ранняго дѣтства воспитаніе и образованіе, обезпеченнаго имущественными благами, особенно земельными угодьями—отъ того человѣка, который, появившись на свѣтъ у вполнѣ недостаточныхъ родителей, въ средѣ по преимуществу порочной, съ отрицательными свойствами, лишеннаго возможности всю жизнь пользоваться хотя бы незначительнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, равно какъ облегчить свое безвыходное существованіе какимъ либо воспитаніемъ или образованіемъ, примиряющимъ его съ тяжкимъ положеніемъ и дающимъ исходъ изъ него.

Первобытная исторія человѣчества, равно какъ и современное изслѣдованіе быта нецивилизованныхъ племенъ, указываетъ намъ на незначительное превосходство одного человѣка предъ другимъ въ періодѣ зачатка культуры. Появляющіяся первоначально, въ слабо очерченныхъ формахъ, причины неравенства, путемъ дальнѣйшаго преуспѣянія и взаимодѣйствія, создавая преимущество нѣкоторыхъ лишь людей, растутъ и крѣпнутъ; это составляетъ неизбѣжную принадлежность естественнаго, свободнаго развитія общества. На ряду съ отдѣльнымъ лицомъ эти преимущества, скопляясь далѣе въ извѣстныхъ группахъ людей, собирающихся первоначально около однихъ центровъ, а затѣмъ и въ ряду нѣсколькихъ поколѣній, создаютъ цѣлый классъ людей, въ народѣ почитаемыхъ за высшихъ, которые, независимо отъ всякихъ искусственныхъ привилегій, составляютъ его *естественную аристократію*.

ГЛАВА II.

Роль правительства въ человѣческомъ прогрессѣ.

Вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка на земной поверхности, жизнь его потекла въ ближайшей связи съ жизнью цѣлой семьи, которая, съ своей стороны, разрасталась въ роды, общины, племена и т. п. людскіе союзы, вплоть до наиболѣе сложнаго изъ нихъ, до сихъ поръ выработаннаго человѣчествомъ—государства (*). Въ настоящую эпоху сомнительно встрѣтить человѣка, существующаго въ полномъ одиночествѣ, внѣ какого либо союза. Родившіяся вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ отношенія его съ другими ему подобными, на первыхъ порахъ совершенно несложныя, по мѣрѣ образованія новыхъ формъ союзовъ и увеличенія всего населенія земнаго шара усложняются, причемъ таковыя отношенія не оставались чуждыми вліянія существующаго естественнаго неравенства человѣческихъ личностей и создавшаго, съ своей стороны, по преимуществу, два класса людей: угнетателей и угнетенныхъ. Эти то отношенія людей между собою послужили первой причиной появленія во всемъ человѣчествѣ *органовъ власти*, въ различныхъ видахъ, съ цѣлью регулированія ихъ и защиты слабыхъ отъ сильныхъ. Съ первыхъ шаговъ человѣческой жизни мы встрѣчаемъ власть въ рукахъ у главы семьи, а затѣмъ переходящей, по мѣрѣ развитія самого народа и союзовъ, въ коихъ онъ живетъ, къ иному лицу или категоріи и группѣ таковыхъ, составляющихъ, при самыхъ разнообразныхъ формахъ, такъ называемое *Правительство* страны. Исторія народовъ указываетъ намъ, какъ разнообразно осуществляются таковые переходы: необходимо лишь для таковыхъ болѣе или менѣе продолжительное время, со всевозможными замедленіями, уклоненіями, причемъ нѣкоторыя народности скорѣе достигаютъ высшихъ формъ правительства, тогда какъ другія погибаютъ на пути къ таковымъ. Существуетъ много предположеній и создано столько же теорій причинъ появленія правительства, разнородныхъ формъ его съ гипотезами о наиболѣе подходящей для процвѣтанія человѣчества, а также различныхъ функцій его дѣятельности. Разсмотрѣніе всего этого не входитъ въ нашу программу; ограничимся лишь указаніемъ на ту функцію правительства, которая, намъ кажется, наиболѣе важною, представляющейся характерной чертой правительства—это его роли въ человѣческомъ прогрессѣ.

(*) Bergeret. Principes de Politique.

Всякая народность, какъ отдѣльный человѣкъ не обрѣтается въ покойномъ состояніи, напротивъ, она въ постоянномъ движеніи впередъ, въ стремленіи къ усовершенствованію своего матеріальнаго и нравственнаго состоянія; утрата же этихъ явленій служитъ признакомъ близкой гибели народности. Какъ отдѣльный человѣкъ проявляетъ наибольшую дѣятельность и энергію въ періодъ своей возмужалости, теряя то и другое съ преклонными, предсмертными годами, такъ и цѣлыя націи, выйдя изъ своего воспитательно-дѣтскаго періода, когда ими пріобрѣтаются накопленныя ранѣе развитыми народностями богатства цивилизаціи, въ средній періодъ своей жизни двигаютъ послѣднюю впередъ, внося, такимъ образомъ, и свою лепту въ общечеловѣческій прогрессъ, съ тѣмъ, чтобы, совершивъ преподанную ей Творцомъ міра задачу, уступить свое мѣсто болѣе молодому, энергичному, дѣятельному народу.

Главнымъ же орудіемъ этого неизбѣжнаго движенія впередъ всякаго народа является его Правительство. Говоря такимъ образомъ, мы не устраняемъ вліяніе на прогрессъ отдѣльныхъ личностей, но лишь, сдается намъ, въ большинствѣ случаевъ, инициатива, самая мысль, составляющая тотъ или иной видъ прогресса, зарождается въ головѣ одного лица, осуществленіе же ея иначе не можетъ совершиться какъ при дѣятельности правительства. Примѣненіе къ жизни задуманнаго отдѣльнымъ лицомъ, хотя бы съ поддержкою многихъ, въ силу одной непродолжительности средней человѣческой жизни, немыслимо безъ преимущественнаго участія правительства. (*) Къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, всякое мѣропріятіе, имѣющее цѣлью общее благо, встрѣчаетъ противодѣйствіе въ отдѣльномъ лицѣ; послѣдній готовъ скорѣе уклониться отъ полезнаго для него мѣропріятія, если таковое не послужитъ на его исключительную пользу, причемъ ближнему его будетъ воспрещено пользованіе имъ. (**) Корысть и себялюбіе каждаго—вотъ главныя препятствія общечеловѣческой цивилизаціи. И только одна *сила* можетъ побороть эти главнѣйшіе рычаги людской дѣятельности—это сила правительства, выражаемая въ неуклонномъ исполненіи дѣйствующихъ законовъ.

Законъ, выработанный на національныхъ, нравственныхъ началахъ, лежащихъ въ самой жизни народа, служитъ основаніемъ его управленія; значеніе его отнюдь не должно ограничиваться лишь мнѣніемъ, априорной идеею одного или нѣсколькихъ людей, а быть *совѣстью* каждаго изъ нихъ. Однако, человѣчество поставлено такъ, что рѣдкій изъ членовъ его согласуетъ свои дѣйствія съ своею или общею совѣстью, эгоистическія наклонности всякаго лишь въ исключительныхъ представителяхъ рода людскаго, и въ нѣкоторыхъ притомъ только случаяхъ, умаляются предъ альтруистическими побужденіями. Необходима внѣшняя сила для напоминанія и принужденія съ одной стороны соблюдать установленные законы, а съ другой—противодѣйствовать и устранять все имъ препятствующее. Источникъ таковой силы заключается не въ правахъ, а въ долгѣ каждаго отдѣльнаго лица, или въ нравственномъ законѣ, который создаетъ таковой долгъ. Между тѣмъ люди, значительное большинство коихъ живетъ исключительно своими интересами, склонны гораздо болѣе заботиться и распространять личныя права, пренебрегая, нерѣдко предумышленно, правами своихъ ближнихъ, забывая свой долгъ, свои обязанности по отношенію къ нимъ. Если бы каждый человѣкъ поступалъ на пользу общую—то не было бы и надобности въ существованіи правительства; преобладаніе же въ людяхъ, по самой природѣ, инстинктивныхъ поползновеній, основанныхъ на себялюбіи, а не на любви къ ближнему, служитъ необходимостью существованія того блюстителя чужихъ интересовъ и противника на нихъ покушающихся, защитника слабыхъ и укротителя порочныхъ, стоящаго внѣ ряда частныхъ лицъ, т. е. правительства, которое одно съ

(*) Dupont-White L'Jndividu et l'Etat.
(**) John Stuart Mill. Principes d'economie politidue.

успѣхомъ можетъ выполнить свою роль при обладаніи должными достоинствами и силою, лишенное же таковыхъ, а тѣмъ болѣе отдѣльное частное лицо, слишкомъ безсильны для такой дѣятельности. Упраздните семью (въ миніатюрномъ видѣ включающую въ себѣ и правительство и управляемыхъ) и человѣкъ погибнетъ, такъ какъ онъ родится нагъ и голоденъ; упраздните правительство государства и человѣкъ станетъ рабомъ, ибо человѣчество, въ основаніи своемъ, какъ видѣли выше, неравно. (*)

Изъ сказаннаго совершенно ясно усматривается, что причиной успѣшной дѣятельности правительства, на пользу общечеловѣческаго прогресса, независимо его силы, значительно превосходящей силу отдѣльнаго лица, служитъ еще то обстоятельство, что оно, само по себѣ, несомнѣнно *лучше*, нравственнѣе отдѣльныхъ лицъ, какъ поставленное внѣ ихъ, съ спеціальною миссіею, оно возвышается надъ общимъ уровнемъ людей. Это тотъ же человѣкъ, но утратившій свои страсти и вращающійся въ предѣлахъ справедливости, правды и добра. Къ тому же правительство и живетъ, и функціонируетъ до тѣхъ поръ, пока обладаетъ въ избыткѣ должными достоинствами, заразившись же въ излишней мѣрѣ людскими недостатками, оно погибаетъ, увлекая съ собою и все государство. Raison d'être правительства—забота о благѣ имъ управляемыхъ, стоящихъ внѣ его, а не эгоистическій разсчетъ, какъ у каждаго отдѣльнаго лица, поэтому очевидно правительство, которое забываетъ этотъ долгъ и согласуетъ свою дѣятельность съ личною пользою, въ ущербъ населенія страны, теряетъ силу, значеніе, авторитетъ и катится по наклонной плоскости къ гибели. Тогда какъ заботливость, непрерывная дѣятельность его въ томъ же должномъ направленіи, сами по себѣ, поднимаютъ его значеніе, укрѣпляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, присущія ему качества надъ общимъ уровнемъ человѣческихъ личностей и категорій. Вѣрно понятыя личныя выгоды и эгоистичныя стремленія правительства, въ коллективномъ видѣ, а не каждаго члена его, имѣющаго приписываемыя отдѣльному лицу свойства, несомнѣнно совпадаютъ съ тою ролью, которую правительство должно играть на аренѣ народной жизни. Дѣйствительно, тѣмъ больше правительство проявляетъ заботъ о народномъ благосостояніи, тѣмъ значительнѣе его авторитетъ, тѣмъ обезпеченнѣе его существованіе.

Если успѣхи страны находятся въ зависимости отъ его правительства, то и послѣднее, быть можетъ не всегда достаточно очевидно, не чуждо вліянія на него массы имъ управляемыхъ. Когда между послѣдними обнаружится особенная дѣятельность, энергія, проявится перемѣна міровоззрѣнія, потребуется организація новыхъ отношеній людей между собою и къ органамъ власти, правительство, въ такой странѣ, не можетъ отстать отъ общаго движенія и требуется особенное напряженіе всѣхъ его силъ и дѣятельности, въ противномъ случаѣ, какъ болѣе слабое, отстающее отъ проявленной дѣятельности большинства, оно теряетъ должный свой характеръ. Лишь ставъ во главѣ начавшагося движенія, когда оно не противно началамъ, преслѣдуемымъ правительствомъ, для успѣшнаго приведенія его въ исполненіе или же наоборотъ, при отрицаніи нововведеній, принявъ борьбу съ ними—правительство выдетъ побѣдителемъ изъ начавшагося движенія, пріобрѣтя съ одной стороны еще больше значенія, а съ другой—достигнувъ несомнѣнно благополучія своей страны, путемъ ли дѣйствительно полезныхъ нововведеній, путемъ ли устраненія вредныхъ. Только что высказанное подтверждаетъ вышеприведенную мысль, что, въ дѣлѣ цивилизаціи народной, инициатива можетъ исходить отъ отдѣльной личности, и лишь поддержанная правительствомъ, она проникаетъ въ общую народную массу, дѣлаясь общимъ достояніемъ. Большее количество проявленія подобныхъ инициативъ, т. е. большая жизнедѣятельность всѣхъ членовъ человѣческихъ обществъ—и само правительство ростетъ въ той же жизнедѣятельности.

(*) Le Play. Constitution essentielle de l'humanité.

Сводя все сказанное, повторимъ, не касаясь какой-либо опредѣленной народности или эпохи, что въ естественномъ ходѣ человѣческаго развитія, успѣшность послѣдняго въ прямой зависимости отъ его правительства. Оно одно способно дѣйствовать въ недосягаемой частному лицу сферѣ и развивать нравственныя начала до такого совершенства, которое недоступно дѣятельности отдѣльнаго лица, хотя послѣднее ихъ не только сознаетъ, но и замышляетъ ранѣе правительства, не приводя въ исполненіе ради преобладанія въ немъ корыстныхъ наклонностей. Мертвенность же правительства, не смотря ни на какую энергію отдѣльнаго лица, влечетъ за собою распаденіе и гибель въ ближайшемъ будущемъ всего того круга, который составлялъ предѣлъ вѣдѣнія даннаго правительства, причемъ на ряду съ явленіями, взаимно порождающими атрофію обоихъ факторовъ движенія впередъ: правительства и частныхъ лицъ, является, въ большинствѣ случаевъ съ цѣлію эксплуатаціи накопленныхъ уже и будущихъ богатствъ страны, чужеземный элементъ. Дѣятельность таковаго, сама по себѣ, очевидно никогда не можетъ быть направлена, ради своей выгоды, къ задерживанію разлагающагося теченія жизни государства, а напротивъ способствуетъ болѣе успѣшному его вымиранію.

На ряду съ тремя разсмотрѣнными принципами общечеловѣческой жизни:

1) преобладаніе въ человѣческихъ обществахъ явленія неравенства отдѣльныхъ лицъ и ихъ группъ, не смотря на нѣкоторые успѣхи противоположнаго явленія равенства;

2) непрерывное стремленіе какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всякаго союза людей, кончая цѣлымъ государствомъ, къ улучшенію своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ положеній;

3) таковое движеніе впередъ, при ближайшемъ участіи всѣхъ членовъ общества, совершается съ должнымъ успѣхомъ и достигаетъ намѣченныхъ цѣлей лишь при преимущественномъ участіи правительства страны;

приведемъ еще два слѣдующіе:

1) наиболѣе прочной и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе способной имѣть вліяніе на человѣчество вообще, будетъ таковая его дѣятельность, которая вполнѣ соображается съ непреложными, естественными законами его жизни и развитія, а не насилуетъ его природу и не задаетъ собственныхъ искусственно-придуманныхъ средствъ и цѣлей, причемъ

2) тѣ же прочность и успѣшность въ превосходной степени человѣческой дѣятельности достигаются въ томъ случаѣ, когда оба фактора таковой: лицо (въ томъ числѣ и группа лицъ) и правительство, направляя ее къ общей цѣли благополучія, трудятся параллельно, не допуская соперничества, а напротивъ съ взаимною поддержкою и довѣріемъ.

Какъ высказано выше, первый факторъ человѣческой цивилизаціи—отдѣльное лицо или группа людей—не можетъ быть самостоятельнымъ дѣятелемъ на этомъ поприщѣ, какъ обладающій, вопреки успѣхамъ цивилизаціи общества, своекорыстными наклонностями, неспособными сами по себѣ послужить источникомъ прогресса; допустивъ, что общее благо есть коллективное благо отдѣльныхъ лицъ, все же отдѣльное лицо перестаетъ работать, какъ только результатъ его труда не касается преимущественно его особы. Однако мы оговорились, что не устраняемъ совершенно участіе отдѣльнаго лица въ общемъ движеніи прогресса; напротивъ мы ясно видимъ, что собственный его трудъ, направленный на личную выгоду, можетъ все же приносить пользу и другимъ (скопивъ, напримѣръ, своимъ трудомъ извѣстный капиталъ, можно тратить его на плату нуждающемуся рабочему). Ради отдѣльныхъ лицъ, а не себя лично, правительство прогрессируетъ и распространяетъ между ними всякое цивилизующее мѣропріятіе, причемъ эти личности являются въ роли сподвижниковъ, пособниковъ правительства. Незначительное противодѣйствіе со стороны таковыхъ, задерживая работу правительства, можетъ остановить совершенно его куль-

турную дѣятельность. Допустивъ инпціативу прогрессивнаго теченія у частнаго лица, дальнѣйшее преуспѣяніе ея возможно единственно лишь при передачѣ ея примѣненія изъ слабыхъ въ болѣе могучія руки.

Что касается до втораго фактора человѣческой цивилизаціи—правительства, то въ основаніе его дѣятельности должны быть положены вышеприведенные принципы всечеловѣческой жизни; оно несомнѣнно впадетъ въ непоправимую ошибку, если, вопреки естественности этихъ принциповъ, направитъ свою дѣятельность къ устраненію или замедленію хода ихъ развитія. Напротивъ усиленная, безостановочная, творческая дѣятельность правительства въ обратномъ смыслѣ принесетъ должные плоды, поощреніе правительствомъ развитія природнаго неравенства его членовъ несомнѣнно выкажетъ въ результатѣ пользу, а не вредъ, для всего государства, способствуя наиболѣе быстрому движенію впередъ народнаго прогресса. При массѣ существующихъ причинъ неравенствъ, при различныхъ ихъ степеняхъ, очевидно, роль правительства заключается въ поддержкѣ таковыхъ изъ нихъ, которыя служатъ общечеловѣческому благу, способствуютъ быстрому развитію націй и въ противодѣйствіи тѣмъ причинамъ неравенства, которыя обладаютъ гибельными свойствами. Опредѣливъ точно значеніе существующихъ явленій неравенства и равенства, правительство, никогда не забывая указанной цѣли, устанавливаетъ должное отношеніе между ними, усиливая значеніе полезнаго, умѣряя и совершенно устраняя вредное.

Равенство людей, при несомнѣнномъ преобладаніи въ родѣ людскомъ эгоистическихъ наклонностей, влечетъ преобладаніе въ обществахъ лицъ порочныхъ, создаетъ право сильнаго и грубаго, а потому тутъ вполнѣ ясно представляется роль правительства, направленная къ обузданію таковыхъ произвольныхъ дѣйствій и передачѣ права силы и укрощенія людямъ, выдающимся своими достоинствами. Умаляя вліяніе порочныхъ и неразвитыхъ, при усиленіи правъ и преимуществъ людей нравственныхъ и умныхъ, правительство продолжаетъ поощрять таковыя права и преимущества, когда ими дѣйствительно пользуются люди и категоріи ихъ, отличающіеся достоинствами и способствующіе общей культурѣ человѣчества и стѣсняетъ людей, обладающихъ обратными свойствами, если съ другой стороны оно и стремится къ уравненію этихъ послѣднихъ людей, путемъ исправленія и воспитанія ихъ, все же оно не ставитъ ихъ на одинъ уровень съ достигшими уже высокаго общественнаго положенія и пользующихся нѣкоторыми преимуществами. Правительство должно стремиться лишь къ установленію гармоніи между всѣми неравными его членами, возложивъ на каждаго изъ нихъ извѣстную долю обязанностей, при допущеніи пользоваться соотвѣтственными правами, не выходящими изъ опредѣленныхъ рамокъ и ведя всѣхъ безусловно имъ управляемыхъ къ неизмѣнной цѣли—прогрессу.

Итакъ разные виды общественнаго превосходства, естественная аристократія составляетъ необходимую принадлежность правильнаго развитія человѣческихъ обществъ, при томъ условіи, что правительство страны воспользуется ею, примѣнитъ и скомбинируетъ различныя ея проявленія, направивъ ея дѣятельность должнымъ образомъ. Неравенство же членовъ государства, достигнутое искусственнымъ, фактическимъ образомъ, влечетъ за собою совершенно обратныя послѣдствія. Насколько природныя причины неравенства могутъ не только быть терпимы, но, какъ видѣли выше, поощряемы правительствомъ, а массою лицъ переносятся съ должнымъ къ нимъ вниманіемъ, настолько искусственныя впушаютъ ей неудовольствіе и противодѣйствіе, а правительству создаютъ первоначально очень много заботъ, а затѣмъ служатъ однимъ изъ вѣскихъ основаній паденія его значенія.

Люди, склонные по преимуществу къ заботѣ о личныхъ интересахъ, усмотрѣвъ съ одной стороны свою личную выгоду отъ признанія естественнаго неравенства между ними, а съ другой—большую силу правительства, направленную къ поддер-

жанію этого явленія, не препятствуютъ дальнѣйшему его развитію, а напротивъ способствуютъ преуспѣянію этого явленія въ должномъ порядкѣ и въ виду извѣстной цѣли. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ мы, если само правительство, утративъ принципъ попеченія о всѣхъ своихъ подданныхъ въ равной законной мѣрѣ, направитъ свою заботу лишь объ исключительныхъ лицахъ или категоріяхъ ихъ, жертвуя для ихъ пользы интересомъ массы. Таковое правительство, поддерживаемое лишь тѣми привилегированными единицами, въ глазахъ почти всего населенія утратитъ свое значеніе и дни его будутъ сочтены.

Исторія всѣхъ народовъ учитъ насъ, что, какъ сами привилегіи, такъ и отдѣльные люди и цѣлые классы ихъ, достигающіе мало по малу особенное привилегированное положеніе, появляются какъ слѣдствіе тѣхъ услугъ, которыя эти лица или классы ихъ оказываютъ по отношенію къ своему народу. Послѣдній не остается безотвѣтнымъ и взамѣнъ услугъ теритъ предоставленныя оказавшимъ таковыя нѣкоторыя исключительныя права. Наиболѣе выдвинувшіеся своими привилегіями слои общества, начиная съ среднихъ вѣковъ всемірной исторіи: духовенство и дворянство пріобрѣтали ихъ въ періодъ наибольшаго угнетенія лицъ, не принадлежащихъ къ этимъ сословіямъ.Борьба названныхъ сословій, какъ между собою, такъ и противъ внѣшнихъ враговъ, на защиту низшихъ слоевъ общества, безъ пощады своихъ силъ, средствъ жизни; болѣе или менѣе мирная жизнь большинства народонаселенія государства подъ охраной сильныхъ и могущественныхъ личностей; нравственное и умственное воздѣйствіе послѣднихъ, какъ болѣе развитыхъ элементовъ общества, на массу менѣе культурныхъ; даровое и справедливое разбирательство спорныхъ дѣлъ и т. п.—вотъ тѣ естественныя причины, которыя повлекли за собою съ одной стороны развитіе между такими выдѣляющимися личностями, а затѣмъ и цѣлыми категоріями ихъ, особенныхъ правъ и привилегій, а съ другой—признаніе и поддержку ихъ лицами другихъ категорій, при сохраненіи между всѣми слоями общества самыхъ лучшихъ, близкихъ, мирныхъ отношеній, безъ зависти и покушеній нарушить учредившійся порядокъ. Вообще человѣчество сживается съ неравенствомъ, когда оно естественно, и поощряетъ даруемыя лицамъ и цѣлымъ классамъ привилегіи, пока онѣ пропорціональны той выгодѣ, которую въ состояніи принести на пользу общую это самое лицо или классъ людей; пока привилегія, сама по себѣ, можетъ служить источникомъ заботъ и попеченія о всѣхъ слояхъ общества, имѣя цѣлью —общее благополучіе. Когда же таковыя выгоды отъ привилегированныхъ оно перестаетъ получать и неравенство создается искусственно, лишь на пользу ограниченнаго числа лицъ, причемъ дѣятельность этихъ избранниковъ обращается на свою собственную пользу; попеченіе о низшихъ братьяхъ замѣняется заботою о личномъ благополучіи, роскошь-расточительность, безпечность однихъ развиваются въ ущербъ матеріальнаго благополучія другихъ, наконецъ промѣнъ общаго или хотя бы сосѣдскаго мѣста жительства на жительство въ столицахъ ближе къ высшему источнику всевозможныхъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжищу большихъ развлеченій и пріятностей жизни—однимъ словомъ происходитъ паденіе нравственныхъ достоинствъ и началъ, прежде служившихъ основаніемъ отношеній одной категоріи людей къ другимъ, и ранѣе сознаваемый привилегированными лицами и слоями долгъ попеченія о непривилегированныхъ перерождается въ право лишь эксплоатаціи послѣднихъ на всевозможныхъ поприщахъ жизни (таковую дѣятельность можно уподобить лишь самоубійству),—человѣчество переноситъ этого долго не можетъ и вызывающаяся первоначально завистъ, а затѣмъ ненависть къ однимъ лишь пользующимся привилегіями, въ скоромъ времени, переходитъ въ ненависть къ правительству, допустившему такую аномалію, и влечетъ быстро къ его гибели. Сторонники стремленія къ безусловному равенству людей объясняютъ возбужденіе народныхъ страстей противъ привилегированныхъ потребностью упраздненія этихъ привилегій, тогда какъ намъ сдается, что рычагомъ таковыхъ стремленій являются корыстныя и властолюбивыя наклонности большинства

рода людскаго; не упразднять привилегіи является желаніемъ массы, а самой воспользоваться ими.

Разительнымъ примѣромъ высказанному служитъ намъ первая французская революція. Кажется, теперь совершенно ясно, что главнѣйшею причиною ея было чрезмѣрное развитіе личныхъ инстинктовъ всѣхъ привилегированныхъ лицъ и сословій, забывшихъ всякія свои обязанности по отношенію къ остальному населенію государства. Королевская власть, совершенно обезсиленная и утратившая всякую энергію, все же на столько предается личной цѣли, что въ продолженіе цѣлаго вѣка (1672—1774 г.г.) жертвуетъ человѣческими жизнями, затѣвая войны только изъ тщеславія, семейныхъ интересовъ, частныхъ разсчетовъ, капризовъ фаворитокъ и поощряетъ произволъ высшаго сословія, которое, обратившись въ лицѣ большинства своихъ представителей въ комарилью, съ своей стороны, взамѣнъ должныхъ заботъ о низшихъ слояхъ общества, высасываютъ изъ него всѣ соки, ради личныхъ, вполнѣ корыстныхъ побужденій. По мѣткому слову Taine'a, привилегированные стригутъ непривилегированныхъ какъ стадо барановъ, пока это обобранное стадо не усмотритъ куда уходитъ его шерсть и съ этого дня—бѣда обдирателямъ! Зависть, ненависть и презрѣніе ростутъ, поощряемыя слабымъ правительствомъ, не умѣющимъ отстоять лицъ, коимъ само роздавало привилегіи, и оказать достаточное противодѣйствіе возставшимъ на него (*).

Все вышесказанное приводитъ насъ къ заключенію, не требующему доказательствъ, что правительство въ силу своихъ: характера, свойствъ дѣятельности, значенія въ общечеловѣческой жизни должно состоять изъ лицъ, наиболѣе выдающихся изъ общаго уровня людей, наиболѣе обладающихъ врожденными и пріобрѣтенными достоинствами обезпеченныхъ имущественно, однимъ словомъ изъ той категоріи лицъ, которымъ въ первой главѣ мы дали общее наименованіе естественной аристократіи, и за коей «должна быть признана исключительная способность управлять» (**). Мы видѣли съ одной стороны, что лицу, выдѣляющемуся изъ общаго уровня людей, создается положеніе въ обществѣ соотвѣтственно степени и количеству вмѣщаемыхъ имъ причинъ естественнаго неравенства; чѣмъ превосходнѣе первая и больше втораго, тѣмъ исключительнѣе это положеніе. Съ другой стороны—что успѣшное движеніе народа впередъ требуетъ участіе людей выдающихся, даровитыхъ, нравственныхъ и т. д. Количество, желаніе, сила массы народа не въ состояніи сами по себѣ поддерживать это движеніе, безъ руководительства людей, стоящихъ внѣ ея и выше по культурѣ. Отсюда ясно, что правительство страны будетъ на столько болѣе удовлетворять своему назначенію, на сколько личный составъ его будетъ выдѣляться изъ общаго уровня человѣчества. Слишкомъ очевидна та разница, которая была бы, если правительство состояло изъ людей умныхъ или глупыхъ, образованныхъ или неучей, нравственныхъ или безнравственныхъ, воспитанныхъ или невоспитанныхъ и т. д. (можно повторить всѣ причины существованія явленія неравенства въ родѣ людскомъ).

Умѣстно обратить вниманіе на то, что изъ общаго числа причинъ неравенства людей, какъ въ общественномъ ихъ положеніи, такъ особенно при нахожденіи въ составѣ правительства, нѣкоторыя успѣшнѣе способствуютъ развитію и достиженію наиболѣе идеальнаго положенія правительства, тогда какъ другія, наоборотъ губятъ его. Такъ къ числу положительныхъ сторонъ человѣчества, между прочимъ, относится фактъ происхожденія отъ именитыхъ отца и дѣдовъ, однако для сохраненія переданныхъ преимуществъ необходимы и личныя достоинства; усовершенствованное воспитаніе и образованіе такой особы возвышаетъ лично какъ ее, такъ и весь родъ ея, тогда какъ лицо, необладающее качествами, а тѣмъ болѣе порочное, неразвитое,

(*) Taine. Les origines de la France contemporaine. T. I.
(**) Bergeret. Principes de politique.

несомнѣнно, вопреки заслугамъ предковъ, утратитъ свое прирожденное значеніе и станетъ предметомъ тѣмъ большей нелюбви и презрѣнія толпы народной, чѣмъ значительнѣе были упованія на него въ силу его рожденія. Точно также благосостояніе, соединенное съ личными достоинствами и другими причинами преимущества лица, служитъ лишнимъ основаніемъ привлеченія такового въ разрядъ правителей; если же оно само по себѣ послужитъ единственною причиною участія его обладателя въ правленіи государствомъ, то несомнѣнно это будетъ на вредъ послѣднему. Правительство, состоящее изъ лицъ, выдѣляющихся ни личными качествами, ни нравственными или умственными достоинствами, а лишь матеріальнымъ благосостояніемъ, неспособно исполнить своей роли и жизнь его не можетъ быть продолжительною. Корысть такихъ дѣльцовъ въ силу своего положенія не встрѣчаетъ препятствій дальнѣйшему своему развитію, какъ въ себѣ самихъ такъ и въ своей средѣ, между остальными людьми—лишь на первыхъ порахъ, а затѣмъ несомнѣнный протестъ и общій конецъ всего вреднаго человѣчеству. Обозрѣватель современной сѣверо-американской жизни съ ужасомъ повѣствуетъ о томъ, что по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и особенно богатства изучаемой имъ республики, контингентъ лицъ, привлеченныхъ къ общественной дѣятельности, ростетъ, а нравственныя понятія всей страны все болѣе и болѣе падаютъ. Выборъ президента является результатомъ не свободнаго обще-народнаго голосованія, а, по мѣрѣ большаго участія въ немъ людей состоятельныхъ, послѣдствіемъ подкупа, обѣщаній выгодныхъ мѣстъ, значительныхъ денежныхъ затратъ. Въ странѣ поднимается вопросъ о продленіи срока полномочій президента сверхъ 4-хъ лѣтъ, въ виду слишкомъ часто повторяющихся столь громадныхъ непроизводительныхъ расходовъ. Излишнее вмѣшательство капиталистовъ въ управленіе страною перерождаетъ и самую форму правленія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: рабочая демократія обращается въ финансовую олигархію (*).

ГЛАВА III.

Естественная аристократія въ Россіи и правительственная роль дворянства.

Изложивъ въ первыхъ двухъ главахъ апріорныя понятія о человѣческомъ обществѣ и о правительствѣ, по отношенію къ разсматриваемому вопросу, перейдемъ теперь на болѣе конкретную почву, имѣя въ виду исключительно наше отечество. Россія не составляетъ исключенія изъ высказанныхъ нами общихъ положеній; на ряду со всѣми прежде существовавшими и теперь живущими націями, она включаетъ въ себѣ всѣ причины неравенства отдѣльныхъ ея членовъ и группъ таковыхъ, и управляется правительствомъ, направляющимъ ее непрерывно къ большему и большему преуспѣянію.

Но Россія сохранила, благодаря Богу, одну особенность, утраченную остальными цивилизованными государствами, наиболѣе имѣющую возможность содѣйствовать преуспѣянію всего государства, въ равной мѣрѣ для всѣхъ ея подданныхъ, а именно форму ея правленія. Этотъ, какъ говоритъ одинъ изъ почтенныхъ университетскихъ лекторовъ отечественнаго государственнаго права, (**) «выработанный всѣмъ предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ русской націи самодержавный принципъ, составляющій плодъ многовѣковой страды и крови русскаго народа, заключающій въ себѣ верховную власть надъ всякою подчиненною властью, представляетъ собою глубоко-христіанскую, по истинѣ демократическую идею. Предъ лицомъ его сильный равенъ слабому, большій—меньшему, богатый—бѣдному. Онъ болѣе

(*) C. de Varigny. Les coulisses de la vie politique aux Etats-Unis. Revue des deux Mondes. 1892. Octobre.

(**) Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

всѣхъ западныхъ, европейскихъ революціонныхъ теорій и буржуазно-конституціонныхъ практикъ проникнута евангельскимъ началомъ равенства всѣхъ людей предъ лицомъ закона и государства.»

Въ этомъ основномъ началѣ нашего государственнаго устройства мы усматриваемъ ближайшую причину: какъ совершившагося развитія русскаго народа, достигшаго уже теперь почти во всѣхъ отношеніяхъ равнаго положенія съ наиболѣе культурными странами міра, такъ и несомнѣннаго въ будущемъ успѣха и плодотворной для всего человѣчества его жизни, при неуклонномъ соблюденіи своихъ самобытныхъ основъ и безъ уклоненія въ сторону отвлеченныхъ принциповъ или чуждыхъ намъ идеаловъ западно-европейскихъ государственныхъ теорій и практики. Ходъ всей нашей народной жизни находится въ полномъ соотвѣтствіи и въ непосредственной связи съ правительствомъ, основаніе коего есть власть самодержцевъ. Исторія нашего отечества свидѣтельствуетъ, что самодержавная власть обладаетъ зиждительною силою, творческимъ духомъ, что только тѣ народные шаги къ цивилизаціи отличаются вѣрностью и жизненностью, которые встрѣчали поддержку со стороны этой власти, и что напротивъ тѣ, которые шли наперекоръ ей, вносили разстройство въ народную жизнь. Ограничимся сказаннымъ относительно этой основной черты русской народности; это слишкомъ обширная, возвышенная и существенная тема, сама по себѣ, чтобы не составить предмета спеціальнаго, исключительнаго ея изслѣдованія, а потому мы коснемся ея теперь лишь на сколько она имѣетъ отношеніе къ разсматриваемому нами положенію русскаго дворянства.

Мы примемъ, въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи за непреложную, не требующую подтвержденія истину, за «палладіумъ» (*) родной земли – начало Самодержавія, т. е. правленіе одного лица, въ силу дарованнаго ему, Божіею милостію, долга и права, на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, уставовъ, учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ (ст. 47 осн. зак.).

Лишь въ самомъ ограниченномъ человѣческомъ союзѣ одному лицу доступно выполненіе всѣхъ функцій, лежащихъ на верховной власти, но какъ только союзъ разростается, достигая тѣмъ болѣе положенія цѣлаго государства, является неизбѣжность распредѣленія ея дѣятельности, первоначально простой механизмъ управленія постепенно преобразовывается въ все болѣе и болѣе сложную машину. Какою бы неограниченною властью верховное лицо не пользовалось, оно не въ состояніи само по себѣ единично выполнить всѣ свои функціи, а потому, естественнымъ путемъ, создается необходимость въ существованіи исполнителей его воли, уполномоченныхъ его власти, функціонирующихъ его именемъ и за его счетъ посредниковъ между верховною властью и народонаселеніемъ государства; совокупность всѣхъ таковыхъ дѣятелей и составляетъ его правительство. Если съ одной стороны, эти агенты верховной власти ей подчинены и отъ нея исключительно зависятъ, ибо въ неограниченной монархіи глава ея единственный источникъ всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, то, съ другой стороны, появленіемъ правительства обусловливается жизнедѣятельность верховной власти въ государствѣ, такъ какъ Монархъ—одинъ самъ по себѣ—безсиленъ для выполненія своей дѣятельности, а потому теряетъ всякую возможность и причину существованія. Лучше не можемъ заключить нашу мысль, какъ приведя отрывокъ изъ слова Московскаго Митрополита Филарета, сказаннаго имъ въ 1818 году, по поводу избранія судей: «Орудіе благосостоянія для цѣлаго тѣла общества и членовъ его есть особеннымъ образомъ орудіе верховной власти, которая есть глава и сердце сего тѣла. И всѣ члены тѣла соединены со главою и покорены ей; но не важнѣйшіе ли между прочимъ тѣ, которые, покорствуя ей, способствуютъ ея благотворному владычеству надъ прочими? Всѣ они почерпаютъ силу жизни отъ источника сердца; но не важнѣйшіе ли тѣ, которые, будучи ближайшими преемниками ея, должны распространять ее по всему

(*) Н. М. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи.

составу? Правитель (судія говоритъ высокочтимый Владыко) есть око верховной власти, дабы надзирать благосостояніе всего тѣла государства и каждаго изъ членовъ его; ея мышца, дабы приводить ихъ въ правильное движеніе; ея руки, дабы простирать ее для охраненія ихъ; онъ есть преемникъ и сопроводитель животворной силы, текущей отъ сердца во все тѣло государства—любви государя къ подданнымъ. Но какой будетъ союзъ главы или сердца съ цѣлымъ составомъ тѣла—верховной власти съ обществомъ, если тусклое или померкшее око не будетъ представлять главѣ ни состояніе, въ которомъ находятся члены, ни опасностей, которыя имъ угрожаютъ? Если разслабленная мышца не будетъ подымать тяжести членовъ, которые чрезъ нее должны быть приводимы въ движеніе, или будетъ производить только безпорядочныя содроганія? Если рука, по волѣ главы, долженствующая покрывать и охранять члены, будетъ ихъ обнажать и терзать? Если орудія мудрости и благости государя будутъ преграждать ихъ благотворныя вліянія, а не распространять по всему составу государства?» (*)

Правительство, въ которомъ верховная власть нуждается какъ въ неминуемомъ посредникѣ между имъ и всѣми подданными, должно по преимуществу предъ государствами, не имѣющими неограниченнаго монархическаго образа правленія, состоять изъ лицъ и категорій ихъ наиболѣе отличающихся всѣми положительными качествами, выше нами разсмотрѣнными и создающими для лицъ ими обладающихъ болѣе привилегированное положеніе въ ряду человѣчества. Вспомнимъ житейскій афоризмъ изъ Слова Даніила Зоточника: «съ мудрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ». Въ конституціонныхъ государствахъ въ управленіе допускается вмѣшательство каждаго его члена, составъ самаго правительства подверженъ большему, непрерывному обновленію, отвѣтственность за правильность и успѣшность прогрессивнаго движенія распредѣляется между всѣми отдѣльными членами страны, тогда какъ при неограниченной формѣ правленія вся отвѣтственность лежитъ на несмѣняемомъ единичномъ лицѣ, иниціатива, споспѣшествованіе или задерживаніе всякаго мѣропріятія, имѣющаго цѣлью прогрессъ, въ рукахъ одного лица. Крѣпость у насъ начала единовластія несокрушима и созданное народнымъ духомъ верховное право не требуетъ никакихъ гарантій. Но гарантій требуютъ обязанности этимъ правомъ налагаемыя. Во всѣхъ положеніяхъ одинъ человѣкъ, какъ гласитъ пословица, въ полѣ не воинъ и нуждается въ помощи и опорѣ. Къ тому же начало единоличнаго полновластія не спасаетъ личной воли отъ заблужденій и ошибокъ. Въ этомъ заключается слабая сторона единовластія при всемъ его превосходствѣ въ другихъ отношеніяхъ надъ всѣми. «Какъ бы не были высоки стремленія Монарха, и какъ бы не былъ свѣтелъ Его разумъ, какъ бы не была крѣпка Его воля, неограничена Его власть,—дѣйствіе ихъ не можетъ сказаться съ достаточною силой въ жизни страны, если не найдется для нихъ соотвѣтствующихъ проводниковъ въ народное сознаніе. Недостаточно одного формальнаго повиновенія людей, механически исполняющихъ извѣстныя предписанія, но не понимающихъ ихъ значенія или не сочувствующихъ имъ». (*) Потому-то Самодержецъ болѣе нежели кто-либо нуждается въ вышеуказанныхъ помощи и опорѣ со стороны вѣрныхъ и преданныхъ Ему исполнителяхъ воли Его. Это должны быть люди наиболѣе религіозные, просвѣщенные, наиболѣе дорожащіе своею честью, выработавшіе себѣ прочныя служебныя традиціи. Еще Платонъ въ своей «Республикѣ» говорилъ: «всюду, гдѣ ты встрѣтишь, что положеніе людей, предназначенныхъ къ власти, почитается ими выше самой ихъ власти, тамъ возможно достигнуть хорошаго правительства... но таковое не мыслимо тамъ, гдѣ къ государственному дѣлу причастны нищіе, люди жадные до имуществъ, которыхъ

*) Слова и Рѣчи. Т. I.

**) Кн. Д. Цертелевъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1897 г. № 207.

у нихъ нѣтъ, но располагающіе пріобрѣсти ихъ при полученіи власти — послѣдняя обращается въ добычу»..

Въ числѣ условій болѣе выгоднаго положенія лица указано, между прочимъ, на происхожденіе, благосостояніе, среду, т. е. условія, не безусловно независимыя отъ отдѣльнаго человѣка и создающія естественнымъ путемъ цѣлыя группы, категоріи, сословія лицъ, а потому получившіе законную форму подобные человѣческіе союзы, какъ обладающіе въ значительной степени тѣми или иными указанными свойствами, могутъ оказать большую услугу правительству, на разныхъ поприщахъ его дѣятельности. Естественнымъ представляется пригодность для правительства пользоваться какимъ либо полезнымъ ему положеніемъ, свойствомъ, дѣятельностью не одного какого либо лица, а цѣлой категоріи таковыхъ, обладающихъ данными: положеніемъ, свойствами и т. д., а потому столь же естественно стремленіе правительства къ созданію и поддержкѣ таковыхъ полезныхъ ему группъ. Не входя въ подробное обсужденіе означенной мысли, предлагаемъ интересующимся этой стороной вопроса обратиться къ замѣчательной статьѣ покойнаго А. Д. Пазухина, (*) не прошедшей безслѣдно не только въ воззрѣніяхъ общества, но и въ мѣропріятіяхъ правительства, коей столь очевидно доказано, что съ тѣхъ поръ, какъ реформами ослаблена организація нашихъ сословій, между правительствомъ и народомъ явилось множество недоразумѣній, «которыя увеличиваются прогрессивно распаденію историческихъ союзовъ». Въ послѣднее время не одинъ выдающійся умъ на Западѣ протестуетъ противъ все болѣе и болѣе укореняющейся тамъ теоріи полнаго равенства людей, уничтожающей естественно создавшееся и вѣками утвердившееся раздѣленіе человѣчества на сословія, группы, цехи и т. п., съ завистью поглядывая на относительное процвѣтаніе таковыхъ у насъ (**)

Въ нашемъ отечествѣ роль ближайшаго сотрудника и слуги своего Монарха, раздѣляющаго съ Нимъ возложенный на Него Міроздателемъ долгъ по отношенію къ отчизнѣ, связующаго звена между Нимъ и народомъ призвано играть россійское благородное дворянство; оно въ Россіи соотвѣтствуетъ той категоріи человѣческаго общества, которую мы охарактеризовали какъ естественную аристократію.

Дѣйствительно, обратившись къ отличительнымъ чертамъ послѣдней, перечисленнымъ въ первой главѣ нашего труда, и перенеся ихъ на родную ниву, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ таковыя мы встрѣтимъ по преимуществу сосредоточенными въ потомственномъ дворянскомъ сословіи. Другія группы соотечественниковъ не столь часто выставляютъ изъ своей среды людей, обладающихъ тѣми же свойствами. Исторія нашихъ сословій до сихъ поръ указывала на возможность болѣе частыхъ встрѣчъ съ лицами, не дворянскаго происхожденія, обладающихъ однимъ изъ упомянутыхъ свойствъ аристократіи, хотя бы въ превосходной степени, но соединеніе всѣхъ такихъ свойствъ или большинство изъ нихъ составляетъ лишь счастливое и рѣдкое исключеніе. (Ломоносовъ, Сперанскій, Скобелевъ — дѣдъ героя послѣдней войны — нечасто встрѣчаемыя личности). Оставляя въ сторонѣ подробности подобнаго распредѣленія аристократическихъ особенностей, констатируемъ лишь фактъ существующій, исторически сложившійся въ нашемъ государствѣ, съ которымъ несомнѣнно нельзя не считаться. Стремленіе 60-хъ годовъ къ полному равноправію всѣхъ сословій, не могло безусловно сравнять всѣ права, а потому какъ таковыя, такъ и соотвѣтствующія имъ обязанности, разнообразныя занятія и достоинства, отличающія не только лицъ, но особенно классы и сословія другъ отъ друга, не могутъ допускать одинаковыхъ взаимныхъ отношеній между ними съ одной стороны и правительствомъ съ другой. Такъ относительно воинской повинности — правительство нѣкоторыхъ совершенно отъ нея освобождаетъ, другимъ предоставляетъ льготы

*) Сословный вопросъ.

**) A Prins. La démocratie et le régime parlementaire.

по ея отбыванію, согласно степени образованія или семейнаго положенія, тогда какъ третьихъ обрекаетъ на большій срокъ службы и т. д.

Отношенія правительства къ лицу, отдавшему ему всѣ свои: силу, время, образованіе, талантъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизнь, иныя чѣмъ тѣ, которыя оно установляетъ къ лицу, отъ него не зависящему, живущему какъ бы внѣ и помимо его. Не должно изъ этого заключать, чтобы въ предѣлахъ государства были люди, до которыхъ правительству не было никакого дѣла, или чтобы его заботы и попеченія совершенно не распространялись на нѣкоторыхъ, но мы стоимъ на томъ, что послѣднія въ виду хотя бы лишь одного громаднаго разнообразія занятій и качествъ всѣхъ подданныхъ, не могутъ не имѣть сами по себѣ столь же разнообразныхъ характера и степеней. Очевидно, отношенія правительства иначе складываются—да въ этомъ мы усматриваемъ его высшую справедливость—когда оно сталкивается съ лицомъ духовнымъ, торговцемъ, крестьяниномъ и дворяниномъ; они устанавливаются соотвѣтственно ожидаемымъ отъ каждаго изъ названныхъ лицъ услугамъ на общую пользу. Куда бы мы не обернулись въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества, всюду мы встрѣтимъ одинаковую картину: представители дворянскаго сословія, по преимуществу, дѣлятъ съ правительствомъ его трудъ, по отношенію ко всему остальному населенію нашего государства; другія сословія, хотя несомнѣнно несутъ нѣкоторыя функціи правительства, но участіе ихъ менѣе значительно и имѣетъ характеръ болѣе личный или же сословный. Конечно, крестьянинъ и купецъ платятъ подать и отбываютъ воинскую повинность, и несутъ службу своему сословію или учрежденію какъ земство, имѣющее мѣстное, хозяйственное значеніе, дворянинъ же одинъ является служителемъ общегосударственнымъ, а потому ближайшимъ помощникомъ, участникомъ правительственной дѣятельности.

Издавнее пользованіе правительствомъ услугами дворянства создало въ послѣднемъ характерную черту стремленія съ государственной службѣ не только съ цѣлью обезпеченія матеріальныхъ, но и нравственныхъ его интересовъ. Кто изъ дворянъ до сего времени, какъ бы самою природою своею, почти съ малолѣтства не готовился, по достиженію возраста, отдаться дѣламъ государственнымъ, а не личнымъ, составляющимъ лишь побочное его занятіе? Воспитаніе и образованіе дворянина въ незначительномъ лишь объемѣ касается предметовъ, потребныхъ для развитія личныхъ его дѣлъ, а въ широкомъ размѣрѣ подготовляютъ къ дѣятельности на служебномъ поприщѣ. (Ремесленники въ своей школѣ, купечество въ своемъ коммерческомъ училищѣ изучаютъ предметы, способствующіе ихъ дѣятельности, между прочимъ и на пользу государства, но все же становящей прежде всего цѣлью пріобрѣтеніе рублей, если ихъ нѣтъ въ запасѣ, и въ пріумноженіи ихъ, если они имѣются. Дворяне же по преимуществу оканчиваютъ курсъ своего образованія въ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ готовить контингентъ служащихъ на гражданскомъ или военномъ поприщѣ людей). За то особа, долгое время посвящавшая себя государственной службѣ, пользуется большимъ почетомъ со стороны не одного правительства, но и лучшихъ людей общества, чѣмъ лицо, отдавшееся исключительно частнымъ, а потому корыстолюбивымъ занятіямъ, или тѣмъ болѣе убивающее свою жизнь на ничего недѣланіи. Это стремленіе русскаго дворянства на государственную службу не освободило правительство отъ вліянія на послѣднее экономическаго закона о конкурренціи и того, что при большемъ предложеніи спросъ становится строже и требованія менѣе ограничены, въ виду чего, при развитомъ въ русскомъ первенствующемъ сословіи чувства тщеславія, правительство не только пользуется дворянствомъ въ своихъ видахъ, но въ нѣкоторомъ смыслѣ эксплуатируетъ его. Это послѣднее явленіе усматривается въ томъ фактѣ, что возлагаемая правительствомъ служба, обязанности и занятія на отдѣльныя личности изъ дворянъ влекутъ для послѣднихъ иногда добровольный невознаградимый въ матеріальномъ отношеніи ущербъ, не говоря о такой жертвѣ, какъ надѣленіе крестьянъ, при освобожденіи ихъ, землею. Сомна-

тельно, чтобы безъ желанія самаго дворянства у насъ существовалъ въ войскахъ гвардейскій корпусъ. Придворный штатъ, особенно при исключительныхъ событіяхъ, какъ коронаціи русскихъ Самодержцевъ, затмѣвающій роскошью не только настоящіе и когда либо бывшіе въ другихъ государствахъ, включая выдающуюся въ этомъ смыслѣ эпоху Короля-Солнца—тоже не могъ бы существовать безъ дворянства, безкорыстно преданнаго своему Монарху. Сомнительно, чтобы потребная въ интересахъ правительства представительность нашего дипломатическаго корпуса, аккредитованнаго при иностранныхъ державахъ, или высшихъ административныхъ должностныхъ лицъ въ губерніяхъ, ограничивалось лишь тою суммою, которая выдается правительствомъ съ этою цѣлію. Да не подумаетъ читатель, что сказаннымъ мы желали бы укорить правительство, напротивъ, считаемъ вполнѣ законнымъ и нормальнымъ подобный порядокъ пользованія достояніемъ русскаго люда, а со стороны послѣдняго болѣе чѣмъ похвальнымъ расходованіе его на пользу государственную. Достойно вниманія, что институтъ мировыхъ посредниковъ, до сего времени пользующійся выдающеюся славою, особенно въ лицѣ первопризванныхъ, не вознаграждался денежнымъ жалованьемъ; полагалось лишь изъ дворянскихъ сборовъ 1500 руб. на канцелярію и разъѣзды, но этой суммы не хватало на указанные расходы. За послѣднее время, съ оскудѣніемъ русскаго дворянства и возвышеніемъ стоимости всѣхъ предметовъ потребленія, явилась потребность увеличивать содержаніе служащаго люда и при этомъ высказалось обстоятельство, какъ нельзя болѣе свидѣтельствующее о жизненности нравственныхъ началъ въ русскомъ дворянствѣ. Не матеріальный интересъ по преимуществу влечетъ его на государственную службу, такъ какъ вѣдомство путей сообщенія, гдѣ содержаніе сравнительно наиболѣе возвышено, наименѣе привлекаетъ къ себѣ представителей старинныхъ дворянскихъ родовъ, пополняясь или сыновьями выслужившихся бюрократовъ или еще болѣе неродовитыми иноплеменниками.

Характеръ русскаго дворянства *) рѣзко отличается отъ характера высшаго сословія остальныхъ государствъ. Западно-европейская аристократія, какъ она болѣе или менѣе вездѣ развивалась, обязана своимъ образованіемъ феодальной системѣ и феодальному періоду европейской исторіи. Вся сущность отношеній феодальной аристократіи къ государственной власти и къ народонаселенію заключалась въ ленномъ союзѣ, въ силу котораго члены завоевательной дружины и вообще воинственные и честолюбивые люди получали отъ предводителя или короля, земли въ свое владѣніе, за что они обязывались быть ему безусловно вѣрными и, по его требованію, служить ему своимъ оружіемъ. Эти ленныя земли постепенно перешли въ наслѣдственную собственность владѣльцевъ. Рядомъ съ высшею аристократіею образовываются и болѣе низшіе слои ея на одинаковыхъ основаніяхъ, группируясь лишь не около короля, а одного изъ его вассаловъ. Самое низшее или крестьянское народонаселеніе потеряло всякую самостоятельность и подчинялось господству не верховнаго вождя, а непосредственно феодальныхъ владѣльцевъ, стремившихся сложить съ себя зависимость отъ короля и болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, успѣвавшихъ въ этомъ стремленіи. Почти независимое отъ короля положеніе высшаго сословія съ ихъ поземельнымъ богатствомъ давало средства держать дворъ, къ которому собирались свои вассалы не для однихъ празднествъ, но и для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для внутренняго и внѣшняго благополучія, причемъ послѣднія не всегда соотвѣтствовали цѣлямъ верховнаго правительства. Въ государственномъ отношеніи они стоятъ, какъ первенствующее сословіе подлѣ короля, который самъ иногда избирается изъ ихъ среды. Въ порядкѣ феодальной постепенности, они стоятъ во главѣ военной силы и правителей страны, образуя собою, параллельно лѣстницѣ феодальной земской іерархіи, іерархію должностей, начиная отъ герцоговъ до самыхъ низшихъ начальниковъ. Въ своихъ владѣніяхъ они управляютъ и судятъ, только номинально воз-

*) В. П. Безобразовъ, Аристократія и интересы дворянства.

водя всякую свою власть до верховной власти короля и постепенно превращаютъ свое господское право въ государственное право, причемъ оно ставовится наслѣдственнымъ. Какъ вассалы короля, лица высшаго сословія представляютъ собою опору его власти; но соединясь между собою въ союзы, они противодѣйствуютъ въ своихъ владѣніяхъ центральной государственной власти и противопоставляютъ остальному населенію своихъ владѣній, отъ нихъ зависящему, свои непосредственныя отношенія къ государственной власти, которыхъ оно не имѣетъ. Въ основѣ отношеній всѣхъ сословій другъ къ другу лежитъ договоръ, безпрерывно нарушаемый правомъ сильнаго, и борьба съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея завистью и ненавистью, съ тою лишь разницею, что во Франціи централизующій романскій духъ и стремленіе всей страны къ средоточію въ Парижѣ, привели къ большему единству и изъ борьбы съ аристократіею наслѣдственная королевская власть вышла побѣдительницею; возникла централизующая абсолютная монархія. Въ Германіи центральная государственная власть болѣе и болѣе ослабѣвала передъ могуществомъ владѣтельныхъ династій, болѣе и болѣе разрушавшихъ единство монархіи. Въ Англіи аристократія, въ видѣ могущественной корпораціи, при содѣйствіи всѣхъ остальныхъ сословій, ограничиваетъ верховную власть и первая изъ государствъ достигаетъ для всего народонаселенія свободу въ смыслѣ до сего времени понимаемомъ Западной Европой и организуетъ парламентарный образъ правленія, сохранивъ за собою первенствующее исключительное значеніе въ народномъ представительствѣ, благодаря своему званію, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ какъ защитниковъ отъ королевскихъ притѣсненій, своимъ обширнымъ земельнымъ имуществомъ, преданіемъ, непрерываемой политической дѣятельностью и опытностью и воспоминаніемъ о важныхъ заслугахъ передъ государствомъ и народомъ.

«На Западѣ чины завоевательной дружины»,—говоритъ профессоръ Соловьевъ *), прежде всего стали землевладѣльцами, чрезъ что получили самостоятельное, независимое положеніе, потомъ при образованіи феодализма, мелкій владѣлецъ свободнаго участка отдавалъ его богатому, сильному землевладѣльцу. У насъ же нѣтъ и помину о раздѣленіи земель между членами княжской дружины, нѣтъ помину о ихъ самостоятельномъ, независимомъ значеніи, какъ землевладѣльцевъ, объ ихъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ и съ князьями въ этомъ значеніи; всѣ споры, всѣ усобицы идутъ только между князьями; дружинники по волѣ и по неволѣ переѣзжаютъ съ князьями изъ одной волости въ другую, и это самое уже показываетъ отсутствіе крѣпкихъ, прочныхъ отношеній къ извѣстной мѣстности, къ землѣ, потому что подобныя отношенія необходимо прекратили бы ту сильную передвижку князей и дружинъ ихъ, какую видимъ въ древней Россіи до XIII и XIV вѣковъ». Добавимъ къ этому, что другой профессоръ **) видитъ созданіе аристократіи въ западной Европѣ обыкновенно «изъ верхняго слоя общества завоевателей, въ Московскомъ же государствѣ цвѣтъ боярства составился изъ людей, которые или предки которыхъ подверглись завоеванію, вооруженному или дипломатическому, сведенныхъ съ своихъ престоловъ или поспѣшившихъ сойти съ нихъ, не дожидаясь пока ихъ не сведутъ».

Итакъ дружина содержалась и кормилась изъ доходовъ княжескихъ. Понятно, что возможность землевладѣнія, какъ постояннаго, такъ и временнаго, не исключалась для дружинника; но главное здѣсь то, что землевладѣніе не было на первомъ планѣ. Въ этомъ различіе отношеній дружинниковъ къ землѣ, при самомъ началѣ исторіи на востокѣ и западѣ Европы, заключается, безъ сомнѣнія, уже самая могущественная причина совершенно иного направленія въ развитіи ихъ отношеній къ правительству и народу. Право ***) дружинниковъ на населеніе и землю явилось

*) «Русскій Вѣстникъ» 1858 г. № 16.

**) В. Ключевскій, Боярская Дума древней Руси.

***) А. Д. Градовскій. Исторія мѣстнаго управленія. В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности т. II. Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка.

послѣдствіемъ ихъ обязанности, вполнѣ точно и опредѣленно ими усвоенной, по отношенію къ своей странѣ и своему государю: нести службу по требованію верховнаго правителя земли. Всѣ формы поземельнаго устройства построены на принцинѣ подчиненія землевладѣльческихъ правъ условію службы, «лишь подъ этимъ условіемъ земля давалась и въ личное и въ наслѣдственное владѣніе и во временное пользованіе, за исполненіе извѣстной должности», но мало по малу всѣ формы пользованія обращаются въ наслѣдственныя имущества—вотчины. Служба лицъ, надѣленныхъ землею, у насъ является ранѣе службы лицъ безземельныхъ; пользованіе помѣстьемъ вызываетъ обязательную службу, поступленіе же на службу съ вотчины есть актъ добровольный, но постепенно вотчинное и помѣстное право владѣнія смѣшиваются—право собственности дѣлается одинаково крѣпкимъ и полнымъ для вотчины и для помѣстья. Земля подъ условіемъ службы жалуется во владѣніе личное (помѣстья) и наслѣдственное (вотчина), служба съ вотчинъ всецѣло подчиняется тому порядку, которымъ опредѣлялась служба съ помѣстья. Поземельныя владѣнія, по мѣткому выраженію К. П. Побѣдоносцева *) вотчинныя и помѣстныя были «служебнымъ фондомъ», съ котораго отправлялась владѣльцами государственная служба. Люди, населявшіе эти земли, сдѣлались также нераздѣльною частью этого фонда. Таже государственная необходимость, которая наложила обязанность службы на высшее сословіе и тягло государственныхъ повинностей на все народонаселеніе—закрѣпила службу жителей частныхъ поземельныхъ владѣній въ пользу помѣщиковъ или вотчинниковъ, какъ обладателей этого служебнаго фонда. Прикрѣпленіе крестьянъ къ помѣщикамъ было безъ сомнѣнія самымъ важнымъ сословнымъ разграниченіемъ, внесеннымъ государственною властію въ нѣдро самаго общества. оно уже не заключалось въ одномъ лишь различіи государственныхъ обязанностей, хотя таково безспорно и было первоначальное его происхожденіе.—повлекло за собою совершенное различіе въ частныхъ гражданскихъ, нравственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ людей. Крѣпостное право поставило самую существенную грань между гражданскими правами разныхъ классовъ русскаго общества, такъ какъ оно съ одной стороны создало привилегированную поземельную собственность, недоступную для всѣхъ членовъ общества, а съ другой стороны—господскую власть. Эта власть не упиралась у насъ, какъ это было въ западныхъ государствахъ, на какія-то преданія объ исключительномъ благородствѣ нѣкоторыхъ родовъ, о естественномъ превосходствѣ одной крови людей передъ другою, также на какія либо частныя соглашенія ничтожныхъ людей съ сильными и богатыми, а просто и прямо въ силу государственной власти, установившей подчиненность людей крѣпостнаго состоянія къ ихъ господамъ, не сообразно съ отношеніями, которыя исторически и сами собою между ними выработались, а единственно сообразно съ надобностями государственнаго порядка и благоустройства **). Кстати припомнимъ тутъ слова Императора Павла: «у меня столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ».

Съ Петра Великаго новый элементъ, не игравшій до сего времени важной роли, входитъ въ число условій принадлежности къ высшему классу русскаго общества—образованность (научная и практичная). Потребности государства заставили привлечь къ дѣламъ и вліянію образованныхъ людей всякаго племени, происхожденія и чина, въ силу ихъ личныхъ таланта, знанія, энергіи къ дѣлу. На представителей древнихъ знатныхъ родовъ, вмѣстѣ съ обязанностью службы, налагается и обязанность быть способными къ службѣ и быть образованными. Реформа Петра, опредѣлившая въ направленіи общественнаго и государственнаго развитія Россіи до настоящаго времени, самымъ рѣшительнымъ образомъ выставила два первенствующія, основныя начала высшаго, благороднаго класса современнаго русскаго общества: службу и образованность

*) «Русскій Вѣстникъ» 1858 г. № 16.
**) Яблочковъ. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи.

Послѣ великаго преобразователя, обязательная служба дворянства, постепенно смягчаясь, съ половины прошлаго столѣтія совершенно отмѣняется — событіе громадной важности въ исторіи сословія, вносящее въ нашъ государственный строй, подъ вліяніемъ идей запада, начало ему чуждое, служитъ первымъ рѣшительнымъ актомъ перерожденія дворянства изъ служилаго сословія въ иную форму, но только еще на почвѣ закона или государственнаго права. Обязанность службы для дворянства долго сохраняется въ общественномъ сознаніи какъ необходимая принадлежность дворянства, не исчезая окончательно до настоящаго времени. Вторымъ актомъ на пути лишенія дворянства характера служилаго сословія была отмѣна крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, такъ какъ въ обязанности послѣднихъ по управленію крѣпостными крестьянами лежало государственное начало: за нравственное и матеріальное благосостояніе послѣднихъ дворянство несло отвѣтственность предъ правительствомъ. Проживая по возвращеніи изъ полковъ и канцелярій, въ своихъ деревняхъ, дворяне не переставали служить правительству въ качествѣ мѣстныхъ администраторовъ, заботясь о благѣ ввѣреннаго ихъ управленію населенія и воспитывая въ этомъ населеніи духъ порядка и преданности къ государственной власти.

Итакъ аристократическіе элементы, свойственные всякому обществу, были и у насъ, но разница въ томъ, что въ Россіи таковые слагались, въ привилегированную общественную группу не сами собою, не во имя какого нибудь сословнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы, а сложены были государственною властью, которая давала ей ту или другую организацію, повышала и понижала ее, сообразно потребностямъ государства, примѣнительно къ интересамъ правительства. «Въ этомъ состоитъ радикальное отличіе нашего служилаго дворянства отъ феодальной земледѣльческой аристократіи западной Европы, нашей идеи благородства, основанной на службѣ государству и народу русскому и пожалованной Самодержцемъ, отъ идеи благородства западно-европейскаго, основаннаго на крови, на контрактѣ съ государственною властью» (*).

На западѣ мы встрѣчаемъ полную обособленность всѣхъ сословій, преслѣдованіе каждымъ изъ нихъ личныхъ интересовъ, борьба за поддержаніе и развитіе послѣднихъ, временное содѣйствіе другъ другу лишь съ цѣлью повредить настоящему противнику. Льготы и привилегіи добываются правомъ силы, а затѣмъ уничтожаются не безъ человѣческихъ жертвъ и кровопролитій. Дѣятельность, имѣющая общегосударственное значеніе, вызывается по преимуществу личною пользою, нерѣдко являясь послѣдствіемъ договора, заключеннаго на взаимныхъ матеріальныхъ выгодахъ, и проявляется, въ силу необходимости, болѣе усиленно по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ, внутреннія же дѣла, по большинству случаевъ, нося принудительный характеръ влекутъ рознь, угнетеніе слабыхъ, превосходство не столько правды какъ силы. На первомъ планѣ какъ у отдѣльнаго человѣка, такъ и у группъ или сословій людей ихъ права, а объ обязанностяхъ по отношенію къ другимъ дѣла нѣтъ. Въ людяхъ запада преобладаютъ эгоистическія наклонности надъ самозабвеніемъ и любовью къ ближнему; тамъ вырабатываются: Les droits de l'homme. Не то встрѣчаемъ мы у насъ: на первомъ планѣ сознаніе долга, хотя бы при личномъ ущербѣ, по отношенію къ Верховному Вождю и къ каждому изъ Его подданныхъ, въ лицѣ ли цѣлыхъ сословій другъ къ другу, въ лицѣ ли отдѣльнаго члена ихъ къ отдѣльному человѣку того же или инаго сословія. Государственныя повинности не носятъ характера принудительнаго, а скорѣе добровольнаго исполненія каждымъ своего долга. Профессоръ Сергѣевичъ, считающій основателями Московскаго единодержавія Дмитрія Донскаго и сына его Василія, признаетъ главными двигателями таковой политики бояръ-совѣтниковъ. «которые интересы великаго княженія ставили выше частныхъ семейныхъ привязанностей» и которые, объединенные учрежденіемъ боярской думы, созидаютъ камень за камнемъ Московское государство. Лишь обязанность вызываетъ

*) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.

право ей соотвѣтствующее; самой природой русскаго человѣка, чуждаго вліянія западныхъ просвѣтительныхъ началъ, внушается ему сознаніе, что благо каждаго должно быть найдено не въ всеобщемъ стремленіи къ правамъ, а въ твердомъ сознаніи и исполненіи всѣми обязанностей, и не за страхъ только, но и за совѣсть, не ради лишь отбытія гражданской повинности, но и въ силу сознаваемаго нравственнаго долга предъ отечествомъ. Первоначально оказанныя услуги влекутъ поощреніе ихъ льготами и привилегіями. Крупнѣйшая изъ таковыхъ: право дворянства владѣть крѣпостными создалось не путемъ захвата слабаго сильнымъ, а на почвѣ государственныхъ функцій служилаго сословія, покончивъ свое существованіе, какъ ни въ одной странѣ, при неизмѣримомъ матеріальномъ ущербѣ всего сословія, лишь по одному высказанному желанію Вѣнценосца и въ силу отвлеченной идеи блага ближняго (*). Наше дворянство всегда было установленіемъ политическимъ, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ.

Столь рѣзкій контрастъ въ характерныхъ чертахъ русскаго и западнаго человѣка вообще, равно и лицъ, принадлежащихъ къ высшему слою, поддерживался еще болѣе рѣзкимъ различіемъ въ свойствахъ духовенства, служившаго образцомъ своей паствы, и особенно верховныхъ вождей. Когда западное, не отрѣшаясь отъ земныхъ побужденій, участвуетъ во всѣхъ политическихъ событіяхъ Европы, преслѣдуетъ корыстныя цѣли и соперничаетъ съ свѣтскою властью, русское духовенство никогда не забываетъ, что царство его не отъ міра сего; усердно (**) проповѣдываетъ евангельское ученіе о божественности происхожденія власти, внушаетъ народу убѣжденіе о грѣховности неповиновенія Государю, убѣжденіе о божественномъ правѣ Государя на обладаніе подданными, развиваетъ въ русскомъ человѣкѣ готовность и умѣнье, съ любовью, равною обожанію, подчиняться волѣ Государя. Встрѣчается участіе духовенства въ нашей политической исторіи, но оно строго чуждо какихъ либо личныхъ разсчетовъ, и всегда направлено на общее благо. Оно служитъ нелицепріятнымъ, ближайшимъ помощникомъ верховной власти. Стремленіе къ папизму, какъ безпочвенное, имѣетъ у насъ одного представителя и съ нимъ вмѣстѣ гибнетъ безвозвратно; начало же нашего государственнаго строя—единоличное полновластіе—зарождается въ головѣ перваго Московскаго владыки, поддерживаясь всѣми его преемниками (***).

Верховные вожди на Западѣ (кромѣ Англіи, гдѣ за существованіемъ парламента личность короля почти стушевывается) являются олицетвореніемъ эгоистическихъ чертъ, они преслѣдуютъ личныя корыстныя цѣли, почитаютъ государство и подданныхъ собственностью, сотворенною лишь для ихъ блага и наслажденій. Это существо наиболѣе привилегированное изъ всѣхъ привилегированныхъ и пользующееся этими привилегіями не на общую, а исключительно свою выгоду, а потому, мало по малу, наиболѣе ненавистное. Русскіе великіе князья, а затѣмъ Цари и Императоры являются олицетвореніемъ первыхъ работниковъ и труженниковъ въ государствѣ, не смотрятъ они на возложенную на нихъ провидѣніемъ долю, какъ на пожалованное имъ особенное счастье или развлеченіе, а какъ на особый трудъ и тяжелый подвигъ и крестъ; во всякихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ руководствуются лишь своею совѣстью и общею пользою, твердо вѣря, что за все ими совершенное понесутъ отвѣтъ къ Царю Царей. На западѣ короли считаютъ что l'état c'est moi, у насъ же «быть государемъ не значитъ еще быть собственникомъ всей государственной территоріи—таковъ взглядъ у Московскаго Государя» удостовѣряетъ знатокъ нашихъ юридическихъ древностей проф. Сергѣевичъ. Почти современники: выдающійся представитель запада Людовикъ XIV, умирая, высказываетъ слѣдующее въ руководствѣ, составленномъ для дофина: «Je possède la vie et la fortune de mon peuple en toute prepriété. On vole ma gloire lorsqu'on veut en acquérir sans

(*) В. М Юзефовичъ. Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи.
(**) Литвиновъ. Крестьянское сословіе въ Россіи.
(***) И. Н. Янковскій. Статья о Петрѣ Митрополитѣ. С.-Петербургскія Вѣдомости 1896 г. № 32.

moi. La nation réside toute entière dans ma personne» (Я владѣю жизнью и имуществомъ моего народа на правѣ полной собственности. Крадетъ мою славу тотъ, кто стремится прославиться помимо меня. Нація всецѣльно воплощена въ моей личности), а на востокѣ гигантъ не только своего, но вѣчнаго времени, говоритъ, идя въ рѣшительный бой: «жизнь Петру не дорога—жила бы Россія, ея могущество, слава и благоденствіе». За то и чувства, возбуждаемыя такими личностями противоположны: на западѣ отсутствуетъ народная любовь къ своему Монарху, сколько встрѣчаемъ мы народныхъ возстаній, революцій и наконецъ вѣнцомъ отношеній подданныхъ къ своему верховному вождю служитъ эшафотъ. Въ Россіи бывали бунты, но чисто мѣстнаго, временнаго характера и лишь во имя ложныхъ идей, касающихся лица Монарха, существеннѣйшей же чертой отношеній народонаселенія къ своему Вѣнценосцу есть безпредѣльная любовь. Русскій народъ, по истинѣ, можетъ примѣнить къ себѣ выраженіе Діодора Сицилійскаго, по поводу Египтянъ, почитавшихъ фараоновъ наравнѣ съ богами: «сила верховной власти, которую провидѣніе дало царямъ съ желаніемъ и возможностью распространять благодѣянія, имъ кажется признакомъ божественности». Сила любви русскаго народа къ своимъ Государямъ столь обширна, что она съ значеніемъ единственнаго на землѣ Самодержца выступаетъ изъ предѣловъ своего государства, разливаясь стихійно по жиламъ западныхъ людей, трепещущихъ за судьбу всего міра, когда Господу угодно было призвать къ себѣ втораго гиганта Самодержавія Императора Александра III.

Отмѣтимъ еще черту, присущую русскому дворянству, а именно, что въ большинствѣ случаевъ, лица, вышедшія изъ помѣстнаго или средняго уровня первенствующаго сословія, обладаютъ большимъ даромъ быть полезными, безкорыстными слугами своего Государя и радѣтелями о пользѣ и нуждѣ всего государства, чѣмъ изъ высшихъ слоевъ его, приближенныхъ—въ рядѣ нѣсколькихъ поколѣній—къ лицу самого Государя. Если съ одной стороны русское дворянство вообще, какъ обладающее преимущественно въ ряду другихъ нашихъ сословій свойствами естественной аристократіи, является столь же естественнымъ участникомъ дѣятельности правительства—существенною частью его самого—то съ другой стороны самодержавный строй, важнѣйшій, какъ видѣли выше, стимулъ нашей государственной жизни, вноситъ въ его среду нѣкоторое различіе, ради коего не все дворянство поголовно въ равной степени способно приносить пользу. Таковое различіе усматривается, главнымъ образомъ, въ отношеніяхъ членовъ дворянскаго сословія къ верховной власти и дѣлитъ его на двѣ, иногда соперничающія, а потому бывающія и въ взаимной борьбѣ, группы, которыя лишь съ цѣлью отличія другъ отъ друга въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи назовемъ верхнимъ и нижнимъ дворянствомъ, хотя, спѣшимъ оговориться, между таковыми нѣтъ вполнѣ точной, ясно опредѣленной грани и напротивъ весьма нерѣдко въ одномъ лицѣ можно встрѣтить свойства и недостатки, присущія той или другой группамъ въ отдѣльности. Признаками отличія группъ верхняго дворянства отъ нижняго, обладающихъ общими свойствами, выдѣляющихъ обѣ группы изъ ряда остальныхъ сословій, болѣе или менѣе въ равной степени, должно быть большее участіе не только одного или нѣсколькихъ лицъ, той же семьи, сколько цѣлаго рода, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ государственной дѣятельности и приближенности къ царствующему дому. Чѣмъ больше родъ представитъ изъ своихъ членовъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, чѣмъ короче создаются отношенія между подданными и Государемъ, тѣмъ въ нашемъ смыслѣ будетъ правильнѣе отнесенъ таковой родъ и лицо къ категоріи верхняго дворянства. Но если на первыхъ порахъ оба эти обстоятельства приносятъ пользу отечеству и Государю, то съ теченіемъ времени они же могутъ служить препятствіемъ дѣятельности втораго на благо пѣрвому, потому:

во первыхъ, что верхнее дворянство, въ общемъ, обладаетъ сравнительно съ нижнимъ лучшими матеріальными средствами, ради коихъ для него еще въ весьма

недавнее время представлялась большая возможность пріобрѣсти познанія, стать развитѣе и образованнѣе, а такъ какъ источникъ всѣхъ познаній, за исключеніемъ лицъ духовной среды, былъ западъ, то несомнѣнно наше верхнее дворянство отличалось привитыми чужеземными, а не національными взглядами и симпатіями, воспитаніе малолѣтняго поколѣнія привилегированныхъ родовъ по преимуществу поручалось иностраннымъ выходцамъ или совершалось внѣ предѣловъ отечества, наконецъ временныя путешествія по западной Европѣ составляли, равнымъ образомъ, удѣлъ высшаго класса дворянства; не встрѣчаются ли еще до настоящаго времени представители нашего высшаго общества со слабыми познаніями не только Россіи вообще, но и роднаго языка;

во вторыхъ—привилегированность положенія съ дѣтства, изъ поколѣнія въ поколѣніе, развиваетъ большее притязаніе къ своимъ правамъ въ ущербъ обязанностей, по отношенію какъ къ высшей власти, такъ и къ остальнымъ соотчественникамъ. Давая пищу своей гордости и высокомѣрію, лицо ими проникнутое умаляетъ все, что не оно само или не его рода, будь то выше или ниже его въ іерархической лѣстницѣ общественнаго положенія. Безъ значительнаго труда достается авторитетъ, потому онъ менѣе цѣнится лицомъ, принадлежащимъ къ сливкамъ нашей знати, тогда какъ дворянинъ внѣ этого кружка пробиваетъ себѣ значеніе личнымъ трудомъ, достоинствами и царскими милостями;

въ третьихъ—большая близость, знаніе не однихъ достоинствъ царствующей Особы, но и свойственныхъ Ей, какъ всякому смертному, недостатковъ, вольность обращенія, доступная придворнымъ сферамъ, т. е. представителямъ того же верхняго дворянства съ лицомъ Монарха, Его Наслѣдникомъ и всей семьею, естественно влекутъ иное между ними отношеніе, чѣмъ у сравнительно ниже стоящаго дворянина, создавшаго въ своемъ умѣ идеальнаго, безупречнаго вѣнценосца, на основаніи отвлеченной идеи Самодержца—воплощающаго въ себѣ одномъ всѣ положительныя только стороны принципа Самодержавія.

Эти соображенія меньшей пользы верхняго дворянства для Царя, и потому и правильному ходу развитія русскаго народа подкрѣпляются рядомъ примѣровъ изъ отечественной исторіи, начиная съ Андрея Боголюбскаго, промѣнявшаго насиженный отцовскій столъ, на новый—во Владимірѣ, откуда способнѣе было править своею вотчиною, безъ непрошеннаго вмѣшательства ближайшаго боярства, впредь до кроваваго событія, сопровождавшаго воцареніе Императора Николая I и вызваннаго безумными бреднями золотой молодежи того времени.

ГЛАВА IV.

Причины утраты дворянствомъ политическаго значенія.

Настоящее положеніе русскаго дворянства, увы, далеко не соотвѣтствуетъ ни тому идеалу, который мы старались очертить, описывая его какъ ближайшаго помощника русскаго Царя, ни тѣмъ свойствамъ, которыми вообще отличается русскій человѣкъ, въ томъ числѣ и дворянинъ, отъ западнаго. Избавляемъ читателя отъ описанія «настоящаго положенія русскаго дворянства»—картина слишкомъ знакомая, не требующая никакихъ доказательствъ и не ускользающая отъ взгляда не однихъ наблюдательныхъ глазъ; обратимся къ причинамъ такого явленія. Онѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ, съ характеромъ: 1) политическимъ—избавленіе дворянства отъ обязательной службы и созданіе бюрократіи; 2) матеріальнымъ—уменьшеніе землевладѣнія при общемъ его обѣднѣніи, и 3) нравственнымъ—упадокъ воспитанія въ національномъ духѣ и отчужденіе дворянства отъ родной земли и правовъ.

I. Русское дворянство создалось единственно на пути обязательнаго служенія своему государю и отечеству. Оно, если можно такъ сказать, зачато, рождено и

взрощено государственною потребностью въ его службѣ, а потому утрата столь кореннаго свойства сама собою не могла отразиться на немъ. Сознаніе приносимой пользы, особенно полной необходимости существованія, возвышаетъ духъ, зарождаетъ стремленіе достойнымъ образомъ исполнить свою задачу; строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ облагораживаетъ человѣка, пренебреженіе же ими, тѣмъ болѣе при пользованіи правами и привилегіями, роняетъ его. Большинство людей склонно пользоваться лишь льготами, забывая обязанности; при утратѣ же послѣдними своего принудительнаго характера, несомнѣнно возникаетъ періодъ людскаго развращенія. Потому то русское дворянство начало склоняться къ утратѣ какъ своего политическаго, такъ и нравственнаго значенія, лишь только изъ вольности и свободы, въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы, развились права и преимущества дворянства по службѣ государственной: обязанность служилаго класса нести службу преобразовалось въ право поступленія на государственную службу. Льгота, дарованная Петромъ III, была правда встрѣчена съ восторгомъ нашими предками, какъ признакъ къ нимъ довѣрія Верховной Власти, но мы, отдѣленные отъ той эпохи болѣе чѣмъ столѣтіемъ, имѣя возможность оцѣнить значеніе этой льготы не по впечатлѣнію, а по практическимъ ея послѣдствіямъ, не можемъ не видѣть, что законъ, освободивній дворянство отъ обязательной службы, сдвинулъ его съ той твердой почвы, на которой оно стояло въ теченіе многихъ вѣковъ и послужилъ тѣмъ поворотнымъ шагомъ въ исторіи нашего сословія, который привелъ его въ современное расшатанное состояніе. Традиціонный характеръ сословія отвергнутъ, на первый планъ выступаетъ характеръ привилегированности, знатности, благородства, въ духѣ западной Европы, со всѣми вышеуказанными чертами и послѣдствіями въ этомъ смыслѣ, присущими сей послѣдней.

Предоставленная дворянству свобода служить или не служить лишаетъ его правительственнаго характера, роняетъ въ глазахъ всѣхъ, равно какъ въ собственныхъ, указываетъ возможность обойтись безъ него, а потому безполезность его существованія—все обстоятельства отразившіяся на общемъ пониженіи его значенія. Забывается завѣтъ Петра I, ежечасно твердившаго, что служба государству—первѣйшая обязанность дворянства, «ради которой оно благородно и отлично отъ подлости». Предположенное при дарованіи разсматриваемой льготы добровольное усиленіе дворянскихъ сельскохозяйственныхъ занятій не достигалось, такъ какъ видимъ, что уже въ началѣ своего царствованія Екатерина высказываетъ жалобы на возникающій между высшимъ дворянствомъ абсентеизмъ. Полная возможность ничего не дѣлать, обращеніе дворянъ въ «лежебокъ», при не только обезпеченномъ, но часто излишнемъ матеріальномъ достаткѣ, независимо развращающаго значенія самаго по себѣ, вызываетъ стремленіе покидать свою родину; не только временныя поѣздки въ чужіе края учащаются, но и пребываніе тамъ продолжительное время или постоянное жительство, что служитъ лишь къ обогащенію иностранцевъ на счетъ русской производительности.

Еще великое счастье для дворянства *), что вскорѣ за манифестомъ Петра III послѣдовало учрежденіе о губерніяхъ великой его преемницы, коимъ установленные выборы въ мѣстныя должности сдѣлались для дворянства какъ бы обязательною службою во второмъ измѣненномъ изданіи, иначе оно совершенно бы погибло. Этимъ актомъ отчасти возобновлялась прежняя роль дворянства, хотя полная свобода отказываться отъ избранія дворянства повлекла скоро «отлынваніе» его отъ мѣстной выборной службы, какъ прежде отъ государственной, повлекшее, съ своей стороны, цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій съ цѣлью умаленія подобнаго факта. Приведенное въ первыхъ главахъ принципіальное соображеніе, что правительство должно пополняться изъ рядовъ естественной аристократіи, причемъ въ Россіи дво-

*) Н. М. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи.

рянство призвано быть таковою, освобождаетъ насъ отъ необходимости указывать, на сколько правительство проиграло при освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. Хотя служебныя преимущества еще сохранились, но они въ состояніи были привлечь къ службѣ лишь наименѣе обезпеченную часть дворянства, средне-помѣстное и высшее дворянство продолжало служить въ силу привычки и традицій, но часть наиболѣе богатыхъ и родовитыхъ представителей сословія начала уклоняться отъ государственной службы. Такимъ образомъ ряды служилыхъ дворянъ начали съ конца XVIII вѣка порываться и недостающія звенья пополнялись безпрочвеннымъ разночинствомъ. Вѣскимъ доказательствомъ утраты правительства служить то, что оно само неоднократно изыскиваетъ и прибѣгаетъ къ мѣрамъ, парализующимъ если не вполнѣ, то хотя частью льготу Петра III, путемъ предоставленія выгодъ служащимъ или лишенія таковыхъ не служащихъ дворянъ. Тоже самое встрѣчаемъ со стороны отдѣльныхъ членовъ правительства. Одно лишь покушеніе дворянства, при воцареніи Анны Іоанновны, ограничить срокъ его службы, вызываетъ со стороны извѣстнаго Артемія Волынскаго слѣдующія слова: «правда, что въ неволю служить тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутся одни холопы и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и съ тое чести надлежащіе мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насаживать непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя, конечно, потеряемъ и т. д. *) Не прошло еще года съ изданія манифеста 18 Февраля 1762 года, какъ появляются попытки къ ослабленію его значенія. Въ своеручно написанномъ Екатериною II указѣ отъ 11 Февраля 1763 года разнымъ особамъ, назначеннымъ принять участіе въ коммисіи о русскомъ дворянствѣ, послѣдней, между прочимъ, поручается озаботиться, чтобы «учреждены были такія статьи, которыя бы наивяще поощряли честолюбіе дворянъ къ пользѣ и службѣ Государыни и нашего любезнаго отечества» **). Одинъ изъ членовъ означенной коммисіи Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ предлагаетъ, «чтобы дворяне, свободны будучи служить и не служить, не пришли въ нерадѣніе о произведеніи себя въ древнюю лѣпость, но паче, на основаніи Высочайшаго Ея Императорскаго Величества матерьняго попеченія добровольно и безъ малѣйшаго принужденія, поощрены были къ снисканію наукъ и къ службѣ,—то казалось бы нужно быть дозволить тѣмъ, которые служатъ или уже служили, но не меньше семи лѣтъ, нѣкоторыя преимущества предъ неслужившими, а между прочимъ запретить симъ послѣднимъ недвижимаго себѣ имѣнія ни подъ какимъ видомъ не покупать, да чтобы они, сверхъ того, должны были и самому послѣднему статскому служителю оберъ-офицерскаго чина, который служитъ или служилъ, -мѣсто уступать». Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ всеподданѣйшемъ докладѣ Императрицѣ Екатеринѣ II коммисіи о вольности дворянской ***).

Жалованной грамотой Императрица Екатерина, какъ указали выше, нѣкоторымъ образомъ, возстановляетъ обязательность дворянской службы съ отнесеніемъ ея лишь къ помѣстной. Императоръ Павелъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ возстановленію обязательной службы. Старшій сынъ его не посягалъ на данныя дворянству преимущества, за то при пріемникѣ его Императорѣ Николаѣ I послѣдовалъ рядъ нарушеній жалованной дворянству грамоты болѣе или менѣе существенныхъ, закончившейся инструкціей генералъ-губернаторамъ, коей предписывалось наблюдать

*) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.
**) Полн. Собр. законовъ т. XVI № 11751.
***) Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. Изд. Н. В. Калачова, вып. II. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи т. XXV.

вообще, чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности, но посвящали бы себя службѣ государственной *).

Освобожденіе дворянства отъ службы не могло остановить правительственнаго механизма; сложная его машина требовала непрерывнаго пополненія и, за изъятіемъ природнаго контингента, само собою пришлось довольствоваться наиболѣе подготовленнымъ къ тому бюрократическимъ чиновничествомъ, «составившемъ у насъ многочисленное сословіе людей», по словамъ гр. Уварова **), «безъ прошедшаго и будущаго, имѣющихъ свое особое направленіе и совершенно похожихъ на классъ пролетаріевъ, единственныхъ въ Россіи представителей неизлечимой язвы нынѣшняго европейскаго образованія». Болѣе современный авторъ такъ характеризуетъ бюрократію: «безъ всякой связи съ землею и если не безъ родины, то безъ осѣдлости и во всякомъ случаѣ безъ преданій, это скорѣе кочующее по квартирамъ и номернымъ помѣщеніямъ сословіе по своему, въ своемъ родѣ и духѣ, очень дѣятельное; ничѣмъ не связанное, въ смыслѣ обязанностей и преданій, оно имѣло всегда возможность приложить свои способности исключительно только на пользу своихъ особъ, на удовлетвореніе своихъ личныхъ нуждъ—нуждъ все болѣе и болѣе, въ соотвѣтствіи развивавшихся аппетитовъ, увеличивавшихся» ***).

Появленіе бюрократіи у насъ должно отнести къ началу XVIII вѣка, когда Петръ Великій призвалъ на службу не однихъ родовитыхъ, а всѣхъ годныхъ и урегулировалъ ее табелью о рангахъ. Но то что было удобно при мощномъ геніи Петра, выдвигавшемъ дѣйствительно лишь достойныхъ людей, при преемникахъ его приносило вредъ; табель о рангахъ незамѣнимая, какъ лишавшая дворянство возможности замкнуться въ недоступную касту и подновлявшая его выдающимися элементами, утратила свои выгоды, какъ только слишкомъ широко раскрыла дверь, чрезъ которую члены всѣхъ общественныхъ классовъ, при посредствѣ незначительныхъ чина или ордена, могли входить въ ряды высшаго сословія. На первыхъ порахъ единичныя личности, хотя не принадлежащія къ родовитымъ рядамъ дворянства, но въ средѣ послѣдняго, несомнѣнно исключительно даровитые, приносили своимъ участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ огромную пользу, но когда число таковыхъ разрослось, тѣмъ болѣе съ манифеста Петра III, въ цѣлое громадное сословіе «бюрократическаго чиновничества», характеристику, коего мы привели выше, то оно, обратившись въ своенравную и своекорыстную сплоченную среду, мало по малу захватило весь государственный механизмъ въ свои руки, употребивъ массу усилій къ исключенію изъ него всего къ нимъ не принадлежащаго. Между тѣмъ, «rien de pis que la bureaucratie universelle» говоритъ Тэнъ ****) и это положеніе едва ли встрѣтитъ возраженій..

Отсюда ясно видна та неизбѣжная борьба, которая должна была возникнуть между дворянствомъ и бюрократіею, съ момента ея появленія, на первыхъ порахъ при равныхъ условіяхъ побѣды, но въ силу массы обстоятельствъ, мало по малу склонившихъ ее на сторону послѣдней. Сдѣлаемъ еще выписку изъ вышеприведеннаго сочиненія, рисующую таковыя отношенія: «дворянство для бюрократовъ было, во первыхъ, тѣмъ матеріаломъ, около котораго можно было покормиться и поживиться и, обглодавъ который, явилась потребность надъ нимъ же поглумиться; во вторыхъ, какъ сословіе, живущее преданіями и сознаніемъ обязанностей, въ которыхъ удовлетвореніе, прежде всего, собственныхъ аппетитовъ мѣста не имѣло, дворянство этими дѣятелями и понято быть не могло и возбуждало если не ненавистничество, то, болѣе или менѣе, кроткое презрѣніе; въ третьихъ, одни только неопредѣленныя начала, на которыхъ должно было установиться будущее благо человѣчества, софизмы

*) Интересующихся подробностями отсылаемъ къ сочиненію Романовича-Славатинскаго: Дворянство въ Россіи.

**) Всеподданѣйшая записка 1847 года, о системѣ чиновъ въ Россіи.

***) М. К. П. Мысли о помѣстномъ началѣ въ Россіи.

****) H. Taine. La révolution t. I.

на очень казуистической подкладкѣ, которыми были поддерживаемы эти начала, хотя и восторженно принимались на вѣру воспитанниками разныхъ учебныхъ заведеній, но къ тому же идущія въ большинствѣ въ разрѣзъ съ проявленными дѣйствіями этого сословія,—начала эти не могли быть восприняты дворянствомъ съ его устойчивыми государственными и жизненными взглядами, съ его несомнѣннымъ вѣковымъ просвѣщеніемъ, а главное съ его началомъ дѣйствительнаго устраненія своихъ личностей и ихъ пользы передъ тѣмъ, что оно считало своею обязанностью, т. е. пользами и нуждами государства. Встрѣчая потому въ дворянствѣ явное недовѣріе къ чистотѣ ихъ благихъ намѣреній, недовѣріе, оправдываемое ихъ дѣйствіями и пріемами, на дѣлѣ встрѣчая въ безхитростныхъ и установившихся понятіяхъ и взглядахъ дворянства весьма неблагодарную почву для насажденія тѣхъ понятій и нравовъ, которые, хотя способствовали бюрократіи находиться и выдвинуться впередъ, но за то способствовали насажденію во второй половинѣ текущаго столѣтія той грустной яко бы цивилизаціи, которой заражены весьма многія мѣста нашего отечества; встрѣчая, наконецъ, въ дворянствѣ строгое себѣ осужденіе, а также препятствія къ скорѣйшему осуществленію своихъ вожделѣній и аппетитовъ, вся эта класса дѣльцовъ, карьеристовъ, иногда по просту пролетаріевъ, понятно озлоблялась и всей массой, всей силой своихъ несомнѣнныхъ талантовъ и дѣятельности обрушивалась на дворянство и считала его лишнимъ, вреднымъ, подлежащимъ уничтоженію». (*) (Прочтите книжку Л. Тихомирова «Начало и Концы», представляющую обвинительный актъ противъ нашего бюрократическаго правительства, не только не достаточно противодѣйствовавшаго, но способствовавшаго развитію въ нашемъ отечествѣ крамолы, достигшей вѣчно позорнаго событія 1-го марта 1881 года).

Утрачивавшему въ теченіе полутора столѣтій свое первенствующее значеніе въ государственной машинѣ, составленной изъ соперничающаго съ нимъ элемента, положенію русскаго дворянства нанесенъ былъ окончательный ударъ реформами царствованія Александра II. (**) Рядомъ законодательныхъ актовъ, отмѣнявшихъ одну за другою почти всѣ служебныя обязанности и права дворянства, государственная власть какъ бы отказалась отъ услугъ сословія въ дѣлѣ управленія страною. Развитіе и ростъ нашей государственности выразились съ давнихъ временъ въ заботахъ объ образованіи государственнаго служилаго класса, чрезъ посредство коего самодержавная власть правила народомъ и защищала страну отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Упадокъ нашей государственности въ теченіе царствованія Императора Александра II, проявившійся въ томъ, что правительство добровольно и безъ всякой серьезной причины само отстранилось отъ областнаго управленія и суда и предоставило самостоятельно править народомъ новымъ, искусственно и неудачно придуманнымъ, учрежденіямъ и органамъ,—этотъ упадокъ государственности имѣлъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ удаленіе дворянства отъ дѣлъ управленія и утрату имъ государственнаго значенія. Если дворянство и продолжало, при таковыхъ обстоятельствахъ, служить, то эта служба не была уже долгомъ его званія, а лишь свободно избираемой имъ профессіей; дворяне служатъ не какъ прирожденные царскіе слуги, исполняющіе возложенныя на нихъ государственныя обязанности, а какъ вольные люди, исполняющіе добровольно заключенные договоры, ничѣмъ не отличаясь отъ лицъ иныхъ состояній, ищущихъ въ службѣ личныхъ и матеріальныхъ выгодъ. Отсюда и лишеніе дворянства служебныхъ преимуществъ и попеченія о немъ государственной власти, а затѣмъ и равнодушіе ея ко всѣмъ его невзгодамъ: съ новой государственной точки зрѣнія дворянство стало ненужнымъ. (***)

II. Непремѣнное условіе принадлежности къ естественной аристократіи—земле-владѣніе, равно какъ и происхожденіе и развитіе нашего дворянства въ ближайшей

(*) М. К. П. Мысли о помѣстномъ началѣ въ Россіи.

(**) «Московскія Вѣдомости» 1894 г. 18 Января.

(***) А. Д. Пазухинъ. Современное состояніе Россіи и дворянство въ Россіи.

связи первоначально съ землепользованіемъ, а затѣмъ и владѣніемъ землею на правѣ собственности, достаточно подготовило читателя къ тому положенію, что обезземеленіе дворянства не можетъ не служить одной изъ причинъ общаго паденія этого сословія. Не даромъ еще въ программу хитрой политики Московскихъ князей, въ эпоху собиранія Руси, входило ограниченіе землевладѣнія какъ потомковъ удѣльныхъ князей, такъ и родовитыхъ бояръ, и привлеченіе ихъ всѣхъ въ свою столицу. Занятые службой и поддавшись соблазну придворной жизни, они не только бывали рѣдкими гостями, но едва ли когда заглядывали въ свои вотчины и помѣстья и охотно совершенно бросали ихъ, порывали связь съ землею и мало по малу терялись въ общей массѣ захудалыхъ родовъ. (*)

Мы не смотримъ на обезземеленіе дворянства какъ на вполнѣ самостоятельное явленіе жизни сословія. Оно лишь есть результатъ и симптомъ явленія болѣе широкаго и общаго—дезорганизаціи государственно-бытоваго союза, дезорганизаціи, явившейся слѣдствіемъ, какъ неоднократно упоминали, признанія государственною властью ненужнымъ этого союза и слѣдствіемъ политики, вытекавшей изъ такого признанія. Утрата земли порываетъ связь съ мѣстностью, не только въ узкомъ значеніи этого слова, но самомъ широкомъ—съ родиною и представляетъ большую свободу въ временномъ или окончательномъ оставленіи ея. Нравственное значеніе и вліяніе лица, коимъ каждый можетъ пользоваться въ кругу извѣстнаго ему сосѣдства, тоже въ самомъ широкомъ смыслѣ, не можетъ быть удѣломъ посторонняго неизвѣстнаго лица. Но печальныя обстоятельства для отдѣльной личности, возникающія при утратѣ землевладѣнія, слабы сравнительно съ тѣми послѣдствіями, съ которыми приходится считаться правительству. Будучи неизбѣжно отдалено отъ населенія, оно тѣмъ болѣе нуждается въ подходящихъ представителяхъ, между тѣмъ, такимъ образомъ, оно лишается среди мѣстнаго населенія своей опоры въ лицѣ лучшихъ, наиболѣе образованныхъ, наиболѣе культурныхъ лицъ, многими послѣдовательными поколѣніями пріобрѣвшихъ уваженіе и вліяніе на мѣстное населеніе. Для центральнаго правительства уменьшается число наиболѣе подходящихъ кандидатовъ его обновленія; консервативный строй расшатывается, за неимѣніемъ возможности пополнять его подходящимъ элементомъ. Почти нѣтъ болѣе того контингента лицъ, который, стоя между правительствомъ и всей массой русскаго общества, могъ при довѣріи съ обѣихъ сторонъ выполнять его функціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ болѣе развитой, служить примѣромъ низшимъ слоямъ общества; никто не отнесется къ послѣднимъ столь успѣшно, какъ лицо, неразрывно связанное съ родною почвою. Мѣстная государственная служба, исполняемая мѣстнымъ же элементомъ, можетъ ли быть сравнена съ тою службою, несомою пришлецами? Такой плачевный фактъ, какъ уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія, не могъ не поставить правительство въ неизбѣжную необходимость увеличивать ряды бюрократіи, какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ нравственнаго ея значенія. Совершающемуся у каждаго на глазахъ быстрому уменьшенію дворянскаго землевладѣнія, со всѣми происходящими отъ того послѣдствіями, періодическая литература и общественное мнѣніе за послѣднее время удѣляетъ столь громадное вниманіе, что наша дальнѣйшая остановка на немъ для лицъ не предубѣжденныхъ лишь напрасно задержитъ нашъ трудъ. Равнымъ образомъ мы не приводимъ цифръ, краснорѣчиво подтверждающихъ печальный выводъ, такъ какъ онѣ весьма часто цитируются въ печати и такъ какъ эта сторона вопроса не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Достаточно сказать, что если утрата дворянствомъ имѣній пойдетъ столь же быстро, какъ шла до настоящаго времени, то не пройдетъ нѣсколько болѣе четверти столѣтія, какъ всѣ его земельныя имущества перейдутъ въ руки лицъ иныхъ сословій.

III. Предоставленіемъ дворянству свободы служить или не служить въ нашъ государственный строй вносилось чуждое ему начало, заимствованное съ Запада и

(*) Ключевскій. Боярская Дума древней Руси.

отразившееся весьма скоро на самой средѣ дворянской. Допущенное бездѣльничанье вызвало праздное шатаніе по чужимъ краямъ, ради чего весьма скоро послѣдовало усвоеніе нашимъ высшимъ сословіемъ не одной только внѣшней формы европейской цивилизаціи, какъ одежды, образа жизни и нравовъ. Знать наша принимаетъ историческіе предразсудки, феодальныя традиціи западной Европы, относится къ народу какъ высшая каста къ низшимъ, почитается классомъ благороднымъ, а что не она—то подло, черная кость. Западныя воззрѣнія, способствующія разъединенію нашихъ общественныхъ классовъ, проникаютъ къ намъ всевозможными путями: частое посѣщеніе иностранныхъ государствъ, близкое знакомство съ ними, ихъ обычаями, установленіями, правовыми отношеніями, изученіе языковъ и литературы и т. п. Эмиграціонное движеніе, вызванное французскою революціею, наводняетъ Россію иностранными выходцами, «хотя и противниками революціи, но проникнутыми принципами своей новой политической доктрины. Аббаты безъ религіи, или съ религіею іезуитской формаціи, обнищалые маркизы, бѣжавшіе отъ страха, да осѣвшіе подъ кровомъ нашего гостепріимства плѣнные наполеоновскіе солдаты доставляютъ намъ богатый матеріалъ для воспитанія юношества въ противоотечественномъ духѣ. Всѣхъ этихъ пришлецовъ мы брали на расхватъ, безъ всякаго разбора, видя воспитательнаго двигателя преимущественно во французскомъ языкѣ, который сталъ у насъ символомъ образованія и безъ котораго русскіе люди въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ считались лишними—свой же языкъ мы выбросили въ лакейскія. Въ богатыхъ семействахъ, которымъ доставались аббаты и маркизы, высшее образованіе почерпалось въ курсѣ французской литературы Лагарпа, въ dictionnaire philosophique Волтера въ сочиненіяхъ Руссо, Гельвеція и энциклопедистовъ, по которымъ слагался у насъ весь образъ мыслей, весь нашъ умственный и нравственный кругозоръ. Среднее же дворянство довольствовалось для своихъ дѣтей парикмахерами, поварами да солдатами, у которыхъ дѣти научались французской болтовнѣ, не всегда пристойной, и такимъ классикамъ какъ Пирронъ и уличные литераторы» *). Одинъ изъ первыхъ ректоровъ Петербургскаго университета А. А. Дегуровъ (бывшій Du-Gour) предварительно былъ секретаремъ Робеспьера и орудіемъ терроризма во Франціи, а родной братъ Марата служилъ преподавателемъ въ Царскосельскомъ лицеѣ **).

Не считая случайныхъ и рѣдкихъ столкновеній преимущественно на пути коммерческомъ съ иностранцами до конца XVII столѣтія, наши отношенія пріобрѣтаютъ учащенный и обычный характеръ съ эпохи Петра I, причемъ его взглядъ на таковые имѣетъ, какъ во всемъ, свой совершенно отличительный образъ. Онъ пользуется ими, приглашаетъ ихъ для первоначальнаго обученія русскихъ людей, возлагаетъ на нихъ преимущественно техническія работы, недоступныя русскимъ, но по мѣрѣ того, какъ проходила надобность въ иностранцахъ, онъ отпускалъ ихъ обратно. Мы не встрѣчаемъ въ его царствованіи ни одного чужеземца на высшихъ правительственныхъ постахъ, всѣ его государственные дѣятели чистокровные русскіе, православные. При преемникахъ его отношенія къ иностранцамъ мало по малу мѣняются и значеніе ихъ ростетъ. Непонятно, какъ такая болѣе русская по дѣятельности, чѣмъ природные русскіе, Императрица Екатерина II даетъ въ воспитатели своему желанному преемнику Лагарпа, который, при всей своей добросовѣстности и благонамѣреніямъ, могъ воспитать гуманнаго космополита...

Въ вопросѣ о сношеніяхъ съ иностранцами Императоръ Николай Павловичъ, какъ относительно служебныхъ привилегій дворянства, стоялъ на строго національной почвѣ. «Усматриваемъ», говорится въ указѣ 18 Февраля 1831 года, «нѣкоторыя стремленія къ образованію юношества внѣ государства и вредныя послѣдствія для тѣхъ, кои таковое чужеземное воспитаніе получаютъ», а потому вмѣняется въ долгъ

*) М. В. Юзефовичъ. Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи.
**) «Новое Время» 1893 года 19 Іюля.

получать образованіе въ Россіи, иначе на службу ихъ не принимать. Въ виду того, что законами разрѣшались отлучки заграницу временныя, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оказывалось, что нѣкоторыя лица «остаются тамъ на жительство на неопредѣленное время... послѣдствіемъ чего есть разстройство ихъ имуществъ, расточеніе доходовъ внѣ государства, обремененіе долгами ихъ наслѣдствъ, отчужденіе отъ родственныхъ и отечественныхъ союзовъ», закономъ 17 Апрѣля 1834 г. срокъ пребыванія заграницею опредѣляется для дворянъ пятилѣтній, а для лицъ прочихъ состояній трехлѣтній. Однако, убѣдившись, что и при этомъ срокѣ пребываніе русскаго дворянина заграницею доводитъ его до полнѣйшаго раззоренія, плата за иностранные паспорты, Высочайшимъ повелѣніемъ, повышается съ 100 на 250 рублей, причемъ срокъ дозволеннаго пребыванія за предѣлами отечества сокращается до 2-хъ и 1-го года, смотря по состоянію *). Преемникъ Императора Николая рѣзко мѣняетъ преобладавшее направленіе и за дарованіемъ, по случаю своей коронаціи, полной свободы русскимъ людямъ ѣздить и проживаться въ чужихъ краяхъ **), наиболѣе изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ заимствуетъ иностранныя начала для внесенія ихъ въ русскій правительственный строй, допустивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, эксплуатацію насъ иностранцами на экономическомъ поприщѣ. Отступленіе Россіи отъ національнаго пути не прошло ей даромъ, пришлось горько искупить его вѣчно позорнымъ событіемъ 1-го Марта 1881 года. Но это было, надѣемся всѣмъ сердцемъ, крайнимъ выраженіемъ неестественнаго, чужеземнаго вліянія, подобно привитой болѣзни, а съ этой минуты, направленные на отечественный путь, оздоровленіе наше пошло быстро.

ГЛАВА V.

Мѣры къ возстановленію политическаго значенія дворянства.

Итакъ роковое событіе 1 Марта 1881 года положило предѣлъ прежнему теченію русской жизни. Съ восшествія на престолъ Императора Александра III, мы возвратились на путь національнаго поступленія впередъ и въ числѣ мѣръ на этомъ поприщѣ не послѣднее мѣсто заняли мѣры возстановленія прежняго значенія русскаго дворянства, преимущественно помѣстнаго. Уже въ манифестѣ, утвердившемъ незыблемость въ Россіи самодержавнаго начала, незабвенный Монархъ не оставилъ дворянство безъ упоминанія о немъ, какъ о сословіи, состоящемъ изъ лицъ «всегда послушныхъ гласу добра и чести». Исполнившееся столѣтіе со дня изданія Императрицею Екатериною жалованной россійскому дворянству грамоты, послужило поводомъ особаго Высочайшаго рескрипта, который, за лестнымъ и признательнымъ отзывомъ о сословіи, заключалъ въ себѣ и пожеланія Императора, чтобы дворяне не оставляли своихъ помѣстій, а также, чтобы «сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія». Нынѣ благополучно царствующій нашъ Императоръ Николай Александровичъ, по стопамъ своего незабвеннаго родителя, памятуя «переживаемыя помѣстнымъ дворянствомъ затрудненія» и «увѣренный, что этому сословію для блага Россіи необходимо сохранить занимаемое имъ доселѣ въ ея судьбахъ мѣсто», повелѣлъ соизволилъ образовать особое совѣщаніе, «дабы были имъ изысканы средства облегчить современное положеніе дворянства». Въ надеждѣ оказать нѣкоторое облегченіе особому совѣщанію, указать ему на нѣкоторыя «средства» дерзнули и мы предложить на общій судъ настоящее посильное изслѣдованіе.

Прежде всего, припомнивъ исторію возникновенія на западѣ высшихъ обще-

*) Полн. Собр. законовъ №№ 4364, 6994 и 25307.
**) Полн. Собр. законовъ 1856 г. № 30889.

ственныхъ слоевъ, обратимъ вниманіе на тѣ черты ихъ, которыя съ одной стороны желательно избѣгнуть, а съ другой—могли бы послужить съ пользою примѣромъ для нашего дворянства. Вполнѣ отрицательно отнесемся мы къ французской аристократіи (къ сожалѣнію у насъ не имѣется данныхъ, чтобы сдѣлать вѣское заключеніе относительно германской аристократіи, притомъ же признаемъ достаточнымъ изложеніе положенія высшаго класса Франціи, какъ передовой страны во всѣхъ западно-европейскихъ умственныхъ и политическихъ движеніяхъ). Чтеніе новѣйшихъ изслѣдованій о французской революціи, уничтожившей аристократію, убѣждаетъ насъ. что послѣдняя сама, главнымъ образомъ, явилась создательницею революціи и съ своею собственною гибелью создала настоящее положеніе государства. Какъ пособница верховной власти, французская знать за оказываемыя услуги заслужила свои права и привилегіи, но сохранить ихъ, при полной бездѣятельности и безполезности, стало невозможно; какъ въ мѣстной, такъ и центральной службѣ, положеніе ея обратилось въ синекуру, а привилегія въ злоупотребленія. Имѣя во главѣ короля, нѣкогда создавшаго государство своимъ безкорыстнымъ служеніемъ, а затѣмъ относящагося къ нему какъ къ своей собственности, высшій слой общества забываетъ свои обязанности. Съ утратою господскихъ правъ, аристократія равнодушно растеривала и политическія, добиваясь по преимуществу блеска и пышности придворной службы, а потому сдѣлалась какимъ-то постороннимъ, непужнымъ членомъ въ народѣ. Затѣмъ мало по малу привязанность къ родинѣ и забота о ближнемъ замѣняются эгоизмомъ, корыстолюбіемъ и чванствомъ, начала нравственныя и семейныя, преданія о доблестяхъ предковъ, уваженіе къ авторитетамъ уступили мѣсто разврату, поклоненію своему разуму, высмѣиванію прежнихъ культовъ, понятіе о долгѣ и религія стушевались предъ великими принципами революціи: liberté, égalité fraternité. Аристократія изощряется лишь въ роскошной жизни, умѣньи добывать денежныя средства и проводить время въ весельи и праздности, забывая, что жизнь не блестящій салонъ пустыхъ свѣтскихъ людей, а арена, на которой каждый долженъ исполнять извѣстную долю труда на общее благо своего государства и всего человѣчества.

Діаметрально противная основная черта вырисовывается въ англійскомъ высшемъ классѣ, хотя съ начала его существованія происходитъ борьба съ верховною властью, кончившаяся побѣдою аристократіи, тѣмъ не менѣе нельзя не отдать ей должнаго: на ряду съ собственными интересами она никогда не выпускаетъ изъ своихъ рукъ интересовъ всего населенія государства. Въ Англіи происходитъ явленіе, чуждое континенту: интересы каждой общественной группы пріобрѣтаютъ силу и дѣйствительность только въ интересахъ цѣлаго общества и наоборотъ идеи цѣлой націи воплощаются въ стремленіяхъ каждаго отдѣльнаго класса, причемъ неизмѣнно первая роль принадлежитъ аристократіи, постоянно стоявшей за права и льготы всей націи и никогда не утрачивавшей (до настоящаго времени) своего консервативнаго характера. Ее первенствующее значеніе, какъ видѣли выше, создается непрерывными заботами о низшихъ классахъ, причемъ особенно достойно подраженія—англійская аристократія никогда не замышляла воспользоваться занятымъ положеніемъ, чтобы избавить себя отъ налоговъ и тягостей, лежавшихъ на всемъ народѣ и перенести государственное бремя на прочія сословія. Кромѣ правъ имѣть голосъ въ верхней палатѣ и общихъ съ членами нижней палаты, лорды лично и по имуществу не имѣютъ ни одной привилегіи ни экономической, ни юридической, которая отличала бы ихъ отъ прочихъ англійскихъ подданныхъ; передъ фискомъ, закономъ и судомъ они несутъ тѣ же повинности и обязанности, какъ и послѣдній крестьянинъ и нищій. Участіе въ мѣстномъ управленіи почитается обязанностью передъ родиной, вознагражденіемъ за тѣ удобства и льготы, которыя получаются отъ отечества, а не какъ средство угнетенія народа и удовлетвореніе собственныхъ стремленій властолюбія и тщеславія. Все угнетаемое ищетъ защиты въ безкорыстномъ образѣ дѣйствія высшихъ слоевъ,

чѣмъ поддерживается чувство признательности, не давая развиться зависти и неудовольствію противъ привилегированныхъ. Не будучи закрѣпленною кастою, аристократія постоянно пополняется свѣжими элементами, выдѣляющимися своими превосходными качествами въ другихъ слояхъ общества и заслугами на государственномъ поприщѣ. Поземельная собственность сосредоточена преимущественно въ однѣхъ рукахъ, а пользованіе въ другихъ. Не было ни рабства, ни крѣпостнаго права, но не было и нѣтъ равенства; есть съ одной стороны уваженіе низшаго къ высшему, съ другой—отеческое, заботливое попеченіе высшаго о благосостояніи низшаго. Нигдѣ не дѣлается землевладѣльцами такихъ огромныхъ пожертвованій на успѣхъ земледѣлія, нигдѣ не развилась столь блестящимъ образомъ агрономическая дѣятельность высшаго сельскаго сословія, нигдѣ нѣтъ такихъ миролюбивыхъ отношеній къ фермерамъ и земледѣльцамъ. (*)

Обращаясь къ мѣрамъ поднятія дворянства, намъ кажется, что онѣ, хотя бы на первыхъ порахъ, достаточно ясно вытекаютъ изъ вышеуказанныхъ причинъ утраты его значенія. Литература наша, правду сказать, весьма мало занимается дворянскимъ вопросомъ, удѣляя наиболѣе вниманія матеріальной его сторонѣ и изыскивая лишь на этомъ пути средства къ пріостановкѣ развивающагося зла. Оно и понятно, такъ какъ съ одной стороны вопросъ о насущномъ хлѣбѣ наиболѣе близокъ—не до политическихъ правъ и не до службы государству, когда карманъ пустъ и не хватаетъ на содержаніе семьи и воспитаніе дѣтей, а съ другой стороны не малое число пишущихъ къ мечтамъ объ имущественной реабилитаціи дворянства примѣшиваетъ вопросъ о матеріальномъ положеніи всѣхъ землевладѣльцевъ въ Россіи, переносящихъ съ трудомъ земледѣльческій кризисъ.

Но не такъ относимся мы къ интересующему насъ вопросу: одна матеріальная обезпеченность дворянства не можетъ составить рѣшеніе дворянскаго вопроса, не экономическое превосходство создаетъ выдающееся положеніе сословія; политическое значеніе общественнаго класса людей соотвѣтствуетъ исключительно тяжести его государственныхъ повинностей, а потому рѣшеніе дворянскаго вопроса, по нашему, заключается единственно въ возвращеніи ему прежняго служилаго его значенія. Нужно вдохнуть въ разлагающееся тѣло дворянства жизненный духъ, древній, исконній духъ общенія сословія съ государственною властью, слить его ближайшіе интересы съ интересами государственными, поставить его дѣятельнымъ стражемъ государственной идеи среди народа и сдѣлать его хранителемъ и носителемъ правительственныхъ традицій и привычекъ. Все вышеизложенное подтверждаетъ коренную мысль нашего изслѣдованія: приведенныя соображенія о естественной аристократіи, роли ея въ правительствѣ, историческія данныя о русскомъ дворянствѣ направлены всецѣло къ главной мысли, что при нашемъ самодержавномъ строѣ, государственная власть, на общее благо, беретъ къ себѣ на службу наиболѣе просвѣщенное и воспитанное, богатое, традиціонно благородное, традиціонно проникнутое духомъ служенія Государю и Отечеству—однимъ словомъ наиболѣе подходящее сословіе къ пополненію рядовъ правительства. Лишь при такомъ отношеніи къ крайне дезорганизованному сословію вновь поднимется духъ благороднаго россійскаго дворянства; оно сознаетъ не только приносимую имъ пользу, но необходимость своего существованія. Царь раздѣляетъ съ нимъ предназначенный Ему провидѣніемъ тяжкій долгъ, совмѣстно несутъ они трудныя обязанности, задача управленія обширнѣйшимъ государствомъ въ мірѣ, подъ самодержавною рукою, возлагается на правительство, составленное изъ потомственнаго дворянства, а не бюрократовъ, которые затѣмъ быстро на столько сливаются съ первымъ, что достигается полное тождество этихъ, при настоящемъ положеніи, разрозненныхъ органовъ цѣльнаго правительственнаго организма. Съ предоставленіемъ первенствующаго положенія въ правительствѣ россійскому

*) В. П. Безобразовъ. Аристократія и интересы дворянства.

дворянству, а потому лицамъ коренаго русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, утрачивается надобность въ чужеземцахъ и иновѣрцахъ. Къ сожалѣнію до сего времени нельзя совершенно позабыть характерный анекдотъ, что лучшіе русскіе люди, съ грустною ироніею, въ видѣ высшей награды просили, «о производствѣ ихъ въ нѣмцы».

Съ реабилитаціею высшаго сословія правительство пополняется изъ наиболѣе охранительнаго элемента нашихъ общественныхъ классовъ, само становится устойчивѣе на консервативную историческую почву, представляя болѣе существенный отпоръ подкапывающейся подъ него пресловутой «интелигенціи», съ своими чужеземными тенденціями и конституціонными бреднями. Устраненіе дворянства отъ первенствующей роли въ правительствѣ способствовало произрастанію на чуждой нивѣ всякихъ соціалистическихъ и т. п. революціонныхъ теорій, а потому пріобрѣтеніе выдающагося положенія должно имѣть обратныя послѣдствія. Лишь съ возвращеніемъ дворянству его служебныхъ обязанностей, правительство нашей неограниченной Монархіи получитъ вполнѣ нормальный характеръ, успѣшнѣе будетъ функціонировать, быстрѣе достигая общаго блага, ибо, по словамъ незамѣнимаго М. Н. Каткова: «политическая жизнь течетъ успѣшно не тамъ, гдѣ политическіе интересы вызываются стремленіемъ къ власти, а тамъ, гдѣ они основаны на чувствѣ обязанности, гдѣ политическія права стоятъ на второмъ планѣ, и политическія обязанности есть цѣль и причины, а права только средство и слѣдствіе. Только тамъ политическій интересъ соединяетъ людей, и только тамъ есть твердая почва для здоровой политической жизни, для дружнаго дѣйствія въ видахъ государственной пользы» *).

Въ связи лишь съ возстановленіемъ обязательной службы допускаемъ мы и учрежденіе заповѣдныхъ имѣній, потому коснемся подробнѣе института маіоратовъ, тѣмъ болѣе, что къ этой мѣрѣ, встрѣтившей сочувствіе въ нѣкоторыхъ губернскихъ дворянствахъ и составлявшей уже предметъ обсужденія высшаго правительства, по нашему мнѣнію отнеслись односторонне. Еще Петръ Великій, «дабы фамиліи не упадали, но въ своей ясности непоколебимыми были чрезъ славные и великіе дома», перенимаетъ у западной аристократіи институтъ маіората. Но это «феодальное учрежденіе къ нашему дворянству не привилось, да и не могло привиться вслѣдствіе кореннаго отличія нашего дворянства отъ аристократіи западно-европейской» **). Начало маіоратовъ настолько чуждо нашему духу, что въ продолженіе почти двухъ столѣтій, вопреки нѣкоторой его государственной цѣлесообразности, вопросъ о примѣненіи закона Петра не возбуждался правительствомъ, узаконявшемъ лишь добровольное учрежденіе частными лицами заповѣдныхъ имѣній. Только за послѣднее время, слишкомъ явно обнаружившимъ обезземеленіе дворянства, вновь выдвинулся этотъ вопросъ въ сословныхъ совѣщаніяхъ, а затѣмъ и въ правительственныхъ сферахъ.

Допустивъ, что съ осуществленіемъ проекта недробленія помѣстій достигнется ближайшая цѣль—укрѣпленіе дворянскаго землевладѣнія—то и въ этомъ случаѣ разрѣшеніе дворянскаго вопроса послѣдовало бы лишь односторонне, а главное въ полномъ противорѣчіи съ историческимъ прошлымъ сословія. Вѣдь дворянство необходимо прежде всего для собственно государственныхъ цѣлей, а затѣмъ уже для цѣлей культурныхъ. Возстановляя государственное значеніе дворянства путемъ, указываемымъ нашею исторіею, возвращенія этому сословію его служебныхъ обязанностей и правъ, однимъ лишь изъ условій этаго возвращенія должно быть болѣе или менѣе устойчивое дворянское землевладѣніе, такъ какъ безъ него дворянство не могло бы быть полезно для мѣстной службы, подготовительной къ центральной, и утратило бы свои бытовыя черты. Такимъ образомъ, дворянское землевладѣніе является не

*) Московскія Вѣдомости 1865 г. № 8.
**) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.

цѣлью само по себѣ, а лишь средствомъ къ осуществленію государственной роли сословія. Учрежденіе же дворянскихъ заповѣдныхъ имѣній, не связанныхъ съ возвращеніемъ дворянству прежней обязательно-служилой роли, въ своемъ лучшемъ исходѣ приведетъ къ одному результату: создастся сильный, богатый, вліятельный классъ земельной аристократіи, ничѣмъ не связанный съ государственною властью и имѣющій лишь права безъ всякихъ обязанностей *). Независимо неизбѣжныхъ семейныхъ распрей, возникаетъ борьба, чуждая нашему строю, между вновь создавшимся привилегированнымъ классомъ съ одной стороны и другими лишенными таковыхъ льготъ и ревниво относящимися къ чужимъ правамъ сословіями, въ томъ числѣ и бюрократіею, причемъ опорой послѣдней будутъ дѣйствительные труды и заслуги, тогда какъ первый будетъ опираться на свой денежный авторитетъ, заключающій въ себѣ элементъ безнравственный и несомнѣнно развращающій.

Самодержавная власть стремится создать государственную силу, но какою силой будетъ земельная аристократія? Возможность самостоятельнаго и независимаго отъ государственной власти существованія поведетъ къ тому, что дворянство не только будетъ безполезно въ качествѣ разсадника служилыхъ людей, но можетъ еще явиться и силою оппозиціонною, особенно въ смутные годы народной жизни, когда этой силѣ невозможно будетъ проявить даже и олигархическія тенденціи. Въ конституціонномъ строѣ западной Европы, основанномъ на непрерывной политической борьбѣ различныхъ слоевъ населенія даже и независимая земельная аристократія представляется весьма полезною государственною силою, такъ какъ отстаивая свои сословные интересы, она нейтрализуетъ остальныя соціальныя силы и даетъ возможность государственному тѣлу сохранить равновѣсіе. Но у насъ, при самодержавномъ строѣ, нѣтъ политической борьбы, а потому вліятельная и надѣленная правами земельная аристократія явилась бы единственною активною политическою силой, съ которою пришлось бы считаться не кому иному, какъ самой же создавшей ее государственной власти, и которая могла бы внести въ жизнь страны серіозный элементъ разложенія и смуты. Право учрежденія недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ нельзя разсматривать иначе, какъ болѣе или менѣе важную привилегію, и она можетъ быть пожалована сословію лишь какъ средство къ исполненію извѣстнаго рода государственныхъ обязанностей. Только таковыя возстановятъ связь сословія съ государственною властью, чѣмъ и устранятъ возможность негосударственнаго его направленія. Поэтому вопросъ о заповѣдныхъ дворянскихъ имѣніяхъ долженъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ въ тѣсной связи съ возвращеніемъ дворянству его обязательно-служилаго государственнаго значенія. Тогда и болѣе или менѣе значительныя жертвы со стороны государства для упроченія дворянскаго землевладѣнія—безъ чего едва ли возможна сколько нибудь широкая постановка учрежденій недѣлимыхъ участковъ—будутъ имѣть полный смыслъ и оправданіе. Весьма кстати вспомнить, что въ моментъ возстановленія въ 1815 году законной французской монархіи, хотя истерзанная, непрерывно продолжавшимися, почти 35 лѣтъ, потрясеніями, Франція не остановилась передъ израсходованіемъ милліарда франковъ (le milliard des émigrès) на пріобрѣтеніе земельной собственности для дворянства и созданіе высшаго сословія изъ представителей тѣхъ родовъ, которые сотни лѣтъ способствовали образованію, росту и возвеличенію своего государства. (**) Еще при Московскихъ царяхъ запрещеніе лицамъ неслужилаго сословія пріобрѣтать помѣстья и вотчины было вызвано исключительною необходимостью, чтобы «земля изъ службы не выходила». Такимъ образомъ исторія дастъ намъ готовую и испытанную мѣру противъ дворянскаго обезземеленія. Разъ дворянству будетъ возвращено его служилое значеніе, разъ землевладѣніе будетъ признано необходимымъ условіемъ для осущест-

*) Московскія Вѣдомости 1894 г. № 44.

**) М. К. П. Мысли о помѣстномъ началѣ въ Россіи.

вленія этого назначенія, необходимо съ совершеннымъ воспрещеніемъ перехода дворянскихъ имѣній въ руки лицъ другихъ состояній, создать такой порядокъ, чтобы служилое сословіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльческимъ.

Воспользовавшись тѣми землями, которыя въ данное время находятся въ рукахъ дворянства, для созданія изъ нихъ недѣлимыхъ участковъ, правительство, для пополненія рядовъ служилаго сословія, пользуется и тѣми потомственными дворянами—вторыми сыновьями, которые лишены земельныхъ участковъ, для возложенія на нихъ обязательной службы, но съ предоставленіемъ въ ихъ съ нисходящимъ потомствомъ пользованіе вновь образуемыхъ земельныхъ участковъ. Предки наши чрезвычайно мудро предоставляли «единственному сыну, достигшему служебнаго возраста, становиться сначала совладѣльцемъ отца въ его помѣстьѣ, а потомъ наслѣдникомъ. При многочисленной семьѣ, сыновья одинъ за другимъ, подростая, припускались въ помѣстье къ отцу, и когда обнаруживалась невозможность обезпечить службу всѣхъ сыновей помѣстьемъ отца, тогда старшій сынъ верстался въ отводъ, получалъ отдѣльное помѣстье, причемъ, получившій отцовское имѣніе обязанъ былъ кормить съ своего помѣстья мать до живота, а сестеръ, вскормивъ, выдать замужъ» *). Предоставленіе недѣлимыхъ участковъ казалось было бы болѣе осторожно для правительства производить по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ службы и за добросовѣстное исполненіе извѣстныхъ правительственныхъ функцій. Земскій начальникъ, прослужившій на этой должности около 25 лѣтъ, несомнѣнно болѣе выслужилъ земельный участокъ, чѣмъ за 10 лѣтъ службы какой-нибудь писецъ полицейскаго управленія, хотя и пользующійся правами государственной службы.

Получившіе какъ заповѣдныя имѣнія, такъ и вновь образованные недѣлимые участки, дворянскіе роды могутъ пользоваться таковою привилегіею не иначе, какъ при исполненіи возложенной на нихъ государственной повинности, пользоваться какою бы то ни было привилегіею безвозмездно недопустимо, а потому уклоненіе отъ повинности должно влечь за собою лишеніе той льготы, которая предоставлялась въ уплату за нее. Практическое осуществленіе такой мѣры могло бы достигаться такимъ способомъ: каждая мѣстность, губернія или уѣздъ опредѣляютъ въ лицѣ мѣстныхъ дворянскихъ органовъ размѣръ недѣлимаго земельнаго участка, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, обезпечивающаго безбѣдное существованіе средней дворянской семьи, и необходимое ей число должностныхъ лицъ для помѣстной службы, накидывая на таковое нѣкоторый процентъ для лицъ, служащихъ въ войскахъ и внѣ раіона данной мѣстности, выводя размѣръ этого процента изъ общаго числа служащихъ въ Имперіи. Если при таковомъ разсчетѣ (2) оказывается достаточное количество земли (1), то дворянскому управленію остается заботиться, чтобы оно не выходило изъ дворянскаго владѣнія, если же не хватастъ, то дѣло правительства пополнить недостающее земельное имущество, для предоставленія его, чрезъ тоже управленіе, лицамъ дворянскаго происхожденія, въ службѣ коихъ оно нуждается, но лишенныхъ земельныхъ участковъ. Несомнѣнно особенную пользу должно ожидать отъ заселенія дворянствомъ Сибири и другихъ мѣстностей нашего обширнаго отечества, лишенныхъ этого элемента, чѣмъ исполнилась бы и вторая историческая задача высшаго класса, который до XVII вѣка, получая „земельные участки, помимо исполненія своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей военнаго, промышленнаго, административнаго характера былъ и хозяевомъ-колонизаторомъ, разработывалъ даваемыя ему пустыя земли, приводилъ ихъ «изъ пуста въ живущее» **).

Независимо учрежденія обязательной службы, намъ сдается, весьма цѣлесообразной мѣрой къ поднятію уровня высшаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дворянства—мѣра, принятая Императоромъ Николаемъ I, коей начало всякой службы

*) Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка.
**) Тамъ-же.

полагалось не иначе какъ въ провинціи *). Такимъ образомъ на высшія правительственныя должности, требующія практическаго знакомства съ условіями мѣстной жизни, назначались только тѣ лица, которыя прослужили опредѣленное число лѣтъ въ извѣстныхъ должностяхъ по мѣстному управленію. «Лишь близкое, непосредственное знакомство съ землею, съ реальными условіями мѣстной жизни, можетъ предохранить государственнаго дѣятеля, служащаго въ центральной администраціи, отъ безпочвенныхъ фантазій и доктринерскихъ увлеченій, возникающихъ за письменнымъ столомъ теоретика» **). Съ другой стороны, несомнѣнно достигалось бы не только количественное, но и качественное измѣненіе уровня провинціальныхъ чиновныхъ людей. Помѣстныя учрежденія наши страдаютъ безлюдьемъ; кто изъ Г.г. Губернаторовъ можетъ безусловно похвалиться не только своими полицейскими чиновниками, но и чинами канцеляріи и губернскаго правленія. Годъ отъ году становится труднѣе замѣщать должности земскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе желательнымъ мѣстнымъ элементомъ. Полезно погнать въ провинцію и деревню нашу молодежь и освободить центральныя учрежденія отъ праздной толпы, относящейся не столь серьезно къ государственной службѣ, какъ она заслуживаетъ, и чающей, подъ покровительствомъ маменекъ и тетушекъ, полученія выгодныхъ мѣстечекъ.

Для пополненія способовъ реабилитаціи россійскаго дворянства политическими мѣрами повторимъ сказанное нами же не столь давно на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» ***). «Дворяне—служилое сословіе есть часть правительства, а потому всякій дворянскій вопросъ, выходящій изъ предѣловъ губерніи, есть вопросъ правительственный и въ рѣшеніи его равнымъ образомъ заинтересованы правительство и дворянство, между тѣмъ существующія отношенія дворянства in corpore къ высшему правительству ненормальны и требуютъ измѣненія. Необходимо болѣе общенія и ограничиваться дворянскимъ земельнымъ банкомъ, какъ единственнымъ учрежденіемъ, гдѣ соединены интересы дворянъ всѣхъ губерній, не представляется возможнымъ. Какъ дворянство, такъ и правительство призваны къ одной дѣятельности, внося въ таковую первое—болѣе или менѣе элементъ практическій, а второе—теоретическій. Въ дѣйствительности же мы не встрѣчаемъ ихъ дѣятельности совмѣстно. Правительство часто обращается съ вопросами, предлагаетъ на обсужденіе свои мѣропріятія, къ губернскимъ земскимъ собраніямъ, къ дворянскимъ же никогда. Съ другой стороны вопросы, возбуждаемые земствомъ, восходятъ на разрѣшеніе выше и по поводу земскихъ ходатайствъ возникало довольно много сложныхъ законодательныхъ работъ: дворянскіе же—остаются гдѣ то въ пространствѣ, вызывая лишь болѣе или менѣе одностороннюю и тенденціозную критику въ періодической печати. По газетнымъ свѣдѣніямъ, дворянство, въ своихъ собраніяхъ, возбуждаетъ вопросы, въ всеподданнѣйшихъ адресахъ высказываетъ пожеланія, имѣющія не только узкодворянское, но и государственное значеніе, но все это остается на словахъ или на бумагѣ, не проникая въ жизнь. Сколько набралось бы въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ дѣлъ, возбужденныхъ дворянскими собраніями или отдѣльными дворянами, положенныхъ, такъ сказать, подъ сукно, несомнѣнно въ числѣ ихъ нашелся бы не одинъ десятокъ мѣръ, полезныхъ для всего государства. Странно помыслить: въ Петербургѣ—центрѣ управленія и учрежденій—не имѣется таковаго, гдѣ были сосредоточены дворянскія дѣла, кромѣ названнаго банка. Всякое земское дѣло, городское дѣло не минуетъ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, крестьянскія дѣла разбираются Земскимъ Отдѣломъ того же Министерства, инородцы имѣютъ свой органъ въ столицѣ, а дворянскіе вопросы раскинуты всюду, а потому вѣрнѣе нигдѣ. Между тѣмъ, какъ изъ того государственнаго значенія, каковое мы придаемъ дворянству, вытекаетъ, что оно болѣе, чѣмъ какое

*) Полное Собр. Закон. 1837 г. №№ 9894 и 10561.

**) Spectator. Фальшивая тревога. «Русское Обозрѣніе» 1896 г. Февраль.

***) 1897 года № 132 наша статья и № 142—редакціонная по сему поводу.

либо иное учрежденіе и сословіе нуждается въ существованіи въ правительственномъ центрѣ особаго органа, представителя его интересовъ. Еще до учрежденія Министерства Земледѣлія, высшему правительству эта отрасль промышленности не была чуждою, тѣмъ не менѣе для присвоенія ей подобающаго значенія, признано было необходимо учредить особое Министерство. Такъ и вопросы дворянскіе, они и теперь возбуждаются то тутъ, то тамъ, но если желательно придать имъ болѣе жизненности, то и должно создать особое учрежденіе для вѣдѣнія исключительно дѣлъ дворянскихъ. Конечно, не отдѣльное министерство, а достаточно было бы хоть Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ наименованіемъ «Дворянскаго», гдѣ все, касающееся нашего первенствующаго сословія, было бы сосредоточено попреимуществу».

Что касается способовъ поднятія дворянскаго сословія матеріальными мѣрами, то мы ограничиваемся изложеніемъ нашего взгляда на заповѣдныя имѣнія, такъ какъ, сдается намъ, о всѣхъ остальныхъ достаточно было говорено въ нашей повременной литературѣ, къ тому же всѣ эти мѣры имѣютъ вполнѣ паліативный характеръ, причемъ касаются или лицъ всѣхъ сословій, а не одного дворянства, такъ меліоративный и соло-вексельный кредитъ, желѣзно-дорожные тарифы, золотая и серебряная валюта, распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія, урегулированіе отношеній нанимателей съ рабочими и т. п. или же, какъ уменьшеніе процентовъ по долгосрочнымъ займамъ, обезпеченнымъ землею, откладываніе уплатъ накопившихся недоимокъ и вообще снисхожденіе по операціямъ земельныхъ банковъ, имѣетъ значеніе несомнѣнно существенное для нѣкоторой лишь части дворянства, которая закабалена въ названныя учрежденія, не относясь до всего россійскаго первенствующаго сословія.

Вѣрнѣйшій способъ противодѣйствія нравственнымъ причинамъ утраты дворянствомъ своего выдающагося положенія, мы видимъ въ воспитаніи и образованіи подростающаго поколѣнія. Съ одной стороны недостатокъ вообще учебныхъ заведеній, а съ другой—обѣднѣніе сословія служатъ основаніемъ того, что ни одно дворянское собраніе, созванное съ цѣлью ходатайствовать о поднятіи его значенія, не обходится безъ обсужденія вопросовъ какъ о необходимости основать новыя воспитательно-учебныя заведенія для военной и гражданской карьеръ, такъ и о принятіи расходовъ по этой части на счетъ государства или обще-сословныхъ средствъ. Выше мы видѣли, что въ числѣ непремѣнныхъ условій принадлежности къ естественной аристократіи относится воспитаніе и образованіе человѣка, потому не станемъ повторять здѣсь, насколько и россійское потомственное дворянство нуждается въ этихъ двухъ прерогативахъ истинно передовыхъ людей. Да и правительство для пополненія своихъ рядовъ дворянскимъ элементомъ поставлено въ необходимость требовать отъ него тѣхъ же условій въ превосходной степени.

Кромѣ общаго воспитанія и образованія требуется съ нашей цѣлью воспитаніе и образованіе совершенно спеціальное, состоящее въ строгомъ національномъ духѣ, заключающемъ въ себѣ какъ политически-историческую сторону, такъ и религіозно-православную. Взглядъ на что бы то ни было съ точки зрѣнія православія столь близко соприкасается въ нашемъ отечествѣ съ политико-историческимъ взглядомъ, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ точную грань, а потому, высказывая потребность дополнить систему нашего воспитанія и образованія въ болѣе патріотическомъ смыслѣ, мы поддерживаемъ обѣ вышеуказанныя стороны.

Однако нельзя не отмѣтить того факта, что за послѣднее время сдѣлано многое въ этомъ смыслѣ. Времена, когда молодежь воспитывалась іезуитами и французскій языкъ изучали лучше роднаго, обратились въ преданія старины глубокой; но все же до сихъ поръ въ нашихъ школахъ отсутствуетъ чувство достаточной любви къ отечеству, гордости быть его членомъ, а внушается вольно или невольно презрѣніе къ родному, на ряду съ уваженіемъ, завистью, подобострастіемъ ко всему западному, чему-то идеальному, недостижимому для насъ, будто вѣчныхъ дикарей!

Русская высшая школа не подготовляетъ людей, убѣжденныхъ въ истинѣ нашего монархическаго начала, а людей, «увлекающихся безсмысленными мечтаніями» о замѣнѣ его конституціоннымъ строемъ, мало по малу и на Западѣ теряющимъ своихъ сторонниковъ.

Наши существующія привилегированныя учебныя заведенія, созданныя для подготовленія правительственнаго персонала, въ настоящее время пополняются преимущественно сыновьями бюрократовъ, дослужившихся до высокаго содержанія; потомственное же дворянство, ради своего матеріальнаго оскудѣнія, лишено возможности помѣщать своихъ дѣтей въ слишкомъ дорогую для него школу. Заведеніе, гордящееся именемъ Пушкина, теперь не брезгаетъ воспитывать близкаго потомка и купца, и банкира, и еврея, лишь бы формальныя условія права поступленія были на лицо. Нужны сословныя учебныя заведенія, а въ нихъ болѣе тщательное изученіе своей религіи, своей исторіи, своихъ нравовъ и обычаевъ, своего права и тогда несомнѣнно не можетъ не развиться должное чувство къ отечеству.

Послѣ кончины Императора Александра III, по поводу возникшихъ въ газетахъ слухахъ о созиданіи памятниковъ, мы предложили («Московскія Вѣдомости» 1895 года № 7) почтить усопшаго Императора—столь неизмѣримо много сдѣлавшаго въ пользу дворянства—особеннымъ памятникомъ отъ названнаго сословія «въ видѣ закрытаго учебнаго заведенія, для воспитанія и высшаго образованія исключительно потомственнаго дворянства, въ томъ строгомъ духѣ, который желалъ видѣть въ дворянахъ усопшій Монархъ и для той дѣятельности, которая Имъ была указана въ манифестѣ 21-го Апрѣля 1885 года. Новая школа подготовляла бы молодыхъ дворянъ къ вѣрному исполненію своего высокаго призванія служить Царю и отечеству. Вспомнимъ слова Великой Екатерины, взглядъ коей на дворянство такъ сходился съ мыслями Государя Александра Александровича: «въ величіи Россіи видя послѣдствія послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предпріимчиваго и сильнаго россійскаго народа, когда вѣрою къ Богу, вѣрностью къ престолу, онъ управляемъ... и когда въ военномъ и гражданскомъ дѣлѣ примѣромъ предводителей поощрены подчиненные на дѣянія хвалу, честь и славу за собою влекущія». Обращеніе этихъ знаменательныхъ словъ въ самую жизнь наивѣрнѣе достигнется—созданіемъ училища, въ которомъ выростали достойные члены правительства съ глубокой вѣрой въ Бога, съ вѣрностью Царю и любовью къ родинѣ. На первомъ мѣстѣ въ новомъ учебномъ заведеніи мы поставили бы изученіе отечественныхъ исторіи и государственнаго права въ наиболѣе широкихъ рамкахъ; не сомнѣваемся, что люди спеціально занимающіеся послѣднею наукою, нашли бы возможность раздѣлить ее на вполнѣ самостоятельныя каѳедры, дабы наиболѣе точно «выяснить особенности и свойства русскаго государственнаго строя и всѣхъ отдѣльныхъ его институтовъ, развить пониманіе его и уваженіе къ учрежденіямъ, добытымъ многовѣковой страдой русскихъ народныхъ массъ, такъ какъ многія изъ этихъ учрежденій вполнѣ цѣлесообразны и соотвѣтствуютъ міросозерцанію, стремленіямъ и потребностямъ русскаго народа» *). При сохраненіи же одной каѳедры, мы поставили бы въ главѣ предмета «историческій очеркъ русской самодержавной власти и анализъ ея сущности... такъ какъ это основной и важнѣйшій вопросъ въ системѣ русскаго государственнаго права, главная характерная черта, столь рѣзко отличающая его отъ конституціоннаго государства западной Европы» **), а затѣмъ какъ одно изъ правъ верховной власти—законодательство и вообще ученіе о законѣ, а не обратный порядокъ, заимствованный у западныхъ юристовъ, т. е. не начали бы изученіе государственнаго права съ закона съ переходомъ отъ него къ ученію о верховной власти, какъ его источнику.

«Лица, принадлежащія къ дворянству, предназначенному къ исполненію высшей

*) Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права.
**) Тамъ же.

въ государствѣ дѣятельности—быть его правительствомъ—должны твердо усвоить себѣ таковое свое назначеніе, что наиболѣе вѣрнымъ способомъ могло бы достигнуться учрежденіемъ въ новомъ сословномъ учебномъ заведеніи самостоятельной каѳедры о дворянствѣ, съ которой молодое поколѣніе слушало бы исторію и психологію своего сословія: возлагающуюся на него жизнью всего русскаго государства роль; необходимыя условія для дальнѣйшей успѣшной его дѣятельности и т. д. Изъ хода изученія дворянства должна вытекать твердость въ преслѣдованіи не личныхъ или сословныхъ выгодъ, а исключительно обще-государственныхъ интересовъ; предметомъ гордости лицъ, вполнѣ усвоившихъ эту новую науку, должны быть не привилегіи и сравнительно большія политическія или экономическія права, а долгъ обязанности и родъ дѣятельности на благо Царя и родины. Догматическое изложеніе науки о дворянствѣ съ успѣхомъ могло бы иллюстрироваться болѣе подробнымъ изложеніемъ, какъ нѣкоторыхъ крупныхъ выдающихся событій изъ общей дворянской жизни (напр. усиленіе Москвы, періодъ 1812 года, участіе дворянъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и т. п.), такъ и исторіею отдѣльныхъ личностей изъ дворянъ, достойныхъ памяти и подражанія, и особенно цѣлыхъ родовъ, примѣрно потрудившихся на государственную пользу. Развѣ не заманчива юному поколѣнію, полному увлеченій, та роль, которая выпала на долю цѣлаго рода Шереметевыхъ, начиная съ XV вѣка; или семейства Воронцовыхъ, не сходящихъ съ высоты правительственныхъ сферъ полтора столѣтія и т. п.

«Дворянство безъ земельнаго имущества, безъ этой связи съ внутреннею Россіею, безъ короткаго знакомства съ другимъ земледѣльческимъ классомъ населенія, утрачиваетъ присущія ему свойства, обращаясь въ безкоренную, а потому безплодную, бюрократію, такъ что въ учрежденіи, созданномъ для развитія жизни этого сословія, необходимо тщательное ознакомленіе съ тѣми отраслями знанія, которыя способствуютъ сохраненію и пріобрѣтенію земельнаго достоянія. Изученіе сельско-хозяйственныхъ наукъ, а равно политико-экономическихъ, съ вышеуказанной точки зрѣнія, представляется тоже какъ одна изъ главнѣйшихъ задачъ предположеннаго нами учебнаго заведенія.

«При совершенно сословномъ характерѣ, тѣмъ не менѣе, новое учебное заведеніе не должно пользоваться само, ни предоставлять своимъ питомцамъ какихъ либо особенныхъ правъ; не новое привилегированное учебное заведеніе мечтаемъ создать, а разсадникъ людей долга и обязанностей, предоставивъ ему право потребовать отъ лицъ, по окончаніи въ немъ воспитанія, отплату за него, напримѣръ въ видѣ обязательной помѣстной службы».

Соотвѣтственно настоящему эскизу гражданскаго учебнаго заведенія, можно было-бы создать и военныя, то и другія конечно исключительно для потомственнаго дворянства.

Съ указанными чувствами и познаніями несомнѣнно разовьются недостающія теперь любовь къ Россіи и гордость считаться ея сыномъ. Стремленіе покидать отчизну для чужихъ краевъ, заимствованіе у quasi—просвѣщеннѣйшихъ народовъ ихъ нравовъ и порядковъ замѣняется тѣмъ же чувствомъ привязанности къ отечеству и изученіемъ родной старины для дальнѣйшаго движенія прогресса въ національномъ духѣ. Съ цѣлью положить скорѣе предѣлъ вреднымъ близкимъ сношеніямъ съ иностранцами было бы неизлишне тщательно пересмотрѣть мудрыя узаконенія по сему поводу Императора Николая Павловича—несомнѣнно многое можно было бы позаимствовать съ большою пользою для настоящаго времени.

Поднятію нравственнаго значенія дворянства должно способствовать строгое примѣненіе слѣдующихъ еще двухъ мѣръ: пополненіе рядовъ его лицами другихъ сословій, принесшими дѣйствительную государственную пользу на какомъ бы то ни было поприщѣ и безапелляціонное исключеніе изъ дворянскаго сословія за всякое дѣйствіе, позорящее благородное значеніе человѣка и, чѣмъ строже и чаще приводи-

лась бы въ исполненіе вторая мѣра, тѣмъ скорѣе и дѣйствительнѣе получились бы желанные результаты.

Не станемъ повторять тутъ общеизвѣстной мысли о вредѣ кастоваго устройства, влекшаго за собою погибель какъ себѣ, такъ и всему государственному строю, на немъ основанному. Выше упомяная о табели о рангахъ, мы указывали на ея полезное значеніе, именно какъ на мѣропріятіе, противное кастовымъ стремленіямъ, которыя притомъ неоднократно обнаруживались въ высшихъ придворныхъ слояхъ дворянства. Табель о рангахъ, предоставивъ лицамъ всѣхъ классовъ общества, съ полученіемъ высшихъ чиновъ, право на потомственное дворянство, придавала послѣднему характеръ лучшаго наиболѣе достойнаго сословія страны. Всякій путемъ услугъ государству могъ подвигаться въ чинахъ, причемъ большія услуги давали и большее вознагражденіе—первоначально личное, а затѣмъ и потомственное дворянство. Таковое начало, закрѣпленное Петромъ, присуще нашему государственному строю съ основанія его. Великій Князь Владиміръ въ 992 году сдѣлалъ скорняка «великимъ мужемъ» вмѣстѣ съ отцомъ его за то, что онъ одолѣлъ печенѣжскаго богатыря и тѣмъ избавилъ родину отъ бѣдъ; съ XII вѣка князь возводилъ въ бояре людей младшей дружины; Московскіе цари приближали къ себѣ не однихъ потомковъ удѣльныхъ князей и родовитыхъ бояръ, но и изъ среды городскаго и промышленнаго класса, провинціальнаго дворянства и низшихъ людей, выходцевъ изъ чужихъ краевъ, лишь бы была отъ нихъ польза государству; какъ въ титулованной группѣ старѣйшіе и знатнѣйшіе роды смѣнялись младшими, неродовитыми отраслями, такъ и среди нетитулованной знати каждое новое царствованіе выдвигало на первый планъ извѣстное число новыхъ служилыхъ родовъ. (*)

Какъ не подняться нравственному уровню дворянства, когда ряды его пополняются лучшими людьми другихъ классовъ общества, причемъ порочнымъ членамъ его не останется болѣе мѣста въ его рядахъ. Самосознаніе возможной замѣны лучшими людьми и исключеніе изъ сословія не можетъ не оставить слѣда на самоулучшеніи дворянства. Требуется лишь весьма точное отношеніе къ тѣмъ государственнымъ услугамъ, за которыя предоставляются права потомственнаго дворянства, такъ и съ другой стороны къ тѣмъ дѣяніямъ, ради которыхъ лишаешься права принадлежать къ сему сословію. Должно отмѣнить установившійся у насъ порядокъ, коимъ опредѣленный чинъ или орденъ, полученные не за выдающіяся заслуги, а лишь въ порядкѣ постепенности наградъ, даютъ право на потомственное дворянство; какъ часто въ этихъ случаяхъ приходится награждать одно лишь терпѣніе, а это качество, какъ бы оно ни было достойно похвалы, все же не на столько исключительно, чтобы выказывающему его присваивать право высшаго сословія въ Имперіи. Предоставлять чины, дающіе дворянство лицамъ, пожертвовавшимъ на благотвореніе избытки отъ своихъ громадныхъ доходовъ, едва ли представляется правильнымъ, тѣмъ болѣе когда нѣтъ увѣренности, на сколько эти доходы нажиты честнымъ путемъ, безъ ущерба другимъ лицамъ. Нѣтъ, при нашемъ государственномъ строѣ не должны быть формулированы въ законномъ порядкѣ случаи и поводы зачисленія въ дворянство, а одинъ Монархъ, по своему усмотрѣнію или по ходатайству сословія, взвѣсивъ каждый разъ заслуги лица, предоставляетъ ему право занять мѣсто въ ряду первенствующаго сословія. Кстати сказать, въ наше время предоставленіе всякаго исключительнаго права верховной власти не излишне, между тѣмъ въ правѣ дарованія дворянскаго достоинства нельзя не видѣть новаго залога укрѣпленія этой власти—подтверждая должную зависимость дворянства отъ трона. Верховная власть получаетъ въ руки орудіе, коимъ привлекаетъ къ себѣ лицъ преданныхъ, авторитетъ ея усиливается, когда въ умѣ всякаго создается убѣжденіе, что его заслуги не пропадутъ и онъ получитъ отъ нее должную мзду. (**)

*) Ключевскій. Боярская Дума. Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ.
**) П. М. Карамзинъ. Записка о древней и Новой Россіи. Гр. Уваровъ. Записка о системѣ чиновъ въ Россіи.

На сколько у насъ существуетъ достаточно легкій способъ полученія дворянскаго достоинства, на столько же затруднительна утрата его; тогда какъ наше пожеланіе установить совершенно обратное: затруднено должно быть достиженіе потомственнаго дворянства и облегчено исключеніе изъ этого сословія. Не станемъ распространяться о столь печальномъ фактѣ, но стоитъ лишь внимательно читать газеты и, увы, слишкомъ часто встрѣчаешься съ дѣйствіями принадлежащими къ дворянству лицъ, порочащими и покрывающими грязью послѣднихъ, а тѣмъ не менѣе не отнимающими у нихъ права считаться въ ряду перваго сословія. Только вмѣшательство суда избавляетъ послѣднее отъ недостойныхъ его членовъ, а всѣ ли дѣла этого заслуживающія доходятъ до суда или, даже и дойдя, имѣютъ ли возможность окончиться благопріятно для чести сословія?

До сихъ поръ мы касались болѣе роли правительства въ дѣлѣ возстановленія утраченнаго политическаго значенія дворянства, но одна эта дѣятельность, какъ бы она не была правильно задумана и организована, не можетъ достигнуть намѣченной цѣли безъ энергической, самоотверженной дѣятельности самаго дворянства. Выше мы видѣли, что прогрессъ государственной жизни подвигается усиліями двухъ факторовъ: правительства и отдѣльныхъ личностей или корпорацій послѣднихъ, причемъ совмѣстная ихъ дѣятельность ускоряетъ, а противодѣйствіе замедляетъ ходъ прогресса. На этомъ основаніи, для указанной цѣли, и такъ какъ въ Россіи роль втораго фактора по преимуществу призвано играть дворянство, кромѣ усилій правительства, требуются таковыя же со стороны перваго. Независимо пользы позаимствованія у правящихъ слоевъ Англіи ихъ качествъ, на что мы указывали выше, главнымъ образомъ настоящее дворянство, получивъ отъ своихъ предковъ скопленный ими въ теченіе многихъ вѣковъ капиталъ, который состоитъ въ вѣрности и безкорыстной преданности Царю и Отечеству, въ чувствѣ, чести и въ нравственномъ вліяніи на низшіе классы народа, должно само сознать и внушить своимъ поколѣніямъ сказанное и предназначенную русскимъ государственнымъ строемъ сословію роль, проникнуться ея національнымъ духомъ, стать качествами своими въ уровень той задачи, которую ему рѣшать, не останавливаться предъ умаленіемъ своихъ правъ для исполненія своего долга и подвига на общее благо, а не ради личныхъ или сословныхъ интересовъ. Недостаточно ограничиться изложеніемъ высокимъ слогомъ, обращаясь къ Монарху, своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ преданности, заключая ихъ нерѣдко испрошеніемъ новыхъ милостей и привилегій, а нужно дѣйствовать, незаботясь объ однѣхъ послѣднихъ; не слова, а дѣла и дѣйствительныя услуги потребны государству. Съ подобнымъ чувствомъ долга по отношенію къ Царю и Отечеству, самовоспитавъ себя въ этомъ смыслѣ, дворянство должно закрѣпить въ своемъ сословіи всѣ тѣ особенныя черты его, которыя сдѣлали его таковымъ, развивать ихъ въ должномъ направленіи и пользоваться этими чертами въ выпавшей на его долю дѣятельности. Кромѣ такого политическаго самовоспитанія дворянству необходимо напрячь всѣ старанія къ поднятію характера въ религіозномъ и обще-нравственномъ отношеніи. Оно призывается, вмѣстѣ съ своимъ Царемъ, быть въ государствѣ властью, которая «какъ носительница правды, нуждается болѣе всего въ людяхъ правды, въ людяхъ твердой мысли, крѣпкаго разумѣнія и праваго слова, у коихъ да и нѣтъ не соприкасаются и не сливаются, но самостоятельно и раздѣльно возникаютъ въ духѣ и въ словѣ выражаются. Только такіе люди могутъ быть твердою опорою власти и вѣрными ея руководителями. Счастлива власть, умѣющая различать такихъ людей и цѣнить ихъ по достоинству и неуклонно держаться ихъ. Горе той власти, которая такими людями тяготится и предпочитаетъ имъ людей склоннаго нрава, уклончиваго мнѣнія и языка льстиваго» *)

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Московскій Сборникъ. На сколько необходима управляемымъ высокая нравственность управителей смотрите: Le Play: La réforme sociale en France.

На сколько каждый дворянинъ въ отдѣльности, старается направить силы свои къ самосовершенствованію, а съ другой соблюсти себя отъ всего позорящаго имя благороднаго человѣка, на столько дворянство in corpore должно стремиться къ пополненію своихъ рядовъ лицами другихъ классовъ, выдающіеся поступки и достоинства коихъ предоставляютъ имъ мѣсто въ верхнихъ слояхъ русскаго общества, а равно къ исключенію изъ своего сословія лицъ съ образомъ дѣйствій, покрывающимъ пятномъ всю корпорацію. Само дворянство, встрѣтивъ человѣка изъ другихъ состояній, заслуживающаго, по его мнѣнію, принадлежать къ его сословію, ходатайствуетъ предъ Монархомъ—единственнымъ источникомъ политическихъ правъ—о предоставленіи сему избраннику таковыхъ, причемъ требуется лишь вполнѣ справедливая, строгая, безпристрастная характеристика неофита. Зато съ другой стороны дворянина, недостойнаго этаго званія, неукоснительно лишать права числиться въ его рядахъ. Какая то въ жизни аномалія—вызывающая у иныхъ совершенно извинительное злобное чувство—при сапоставленіи встрѣчаемыхъ въ газетахъ вѣстей: какой нибудь клубъ—сборище всевозможныхъ людей—исключаетъ изъ числа своихъ членовъ тѣхъ, которые въ стѣнахъ его ведутъ себя не подобающимъ образомъ, а въ тоже время дворяне, въ земскомъ собраніи, будто въ назиданіе тѣмъ, кому должно бы служить примѣромъ, бранятся, наносятъ оскорбленія другъ другу не одними словами и за то.... остаются безнаказанно въ рядахъ того же первенствующаго сословія! Пора набраться гражданскаго мужества и громко сказать, что черное—черно, тѣмъ болѣе, что несомнѣнно въ результатѣ послѣ одного, двухъ примѣровъ остракизма осторожность съ выдержкою и умѣніемъ себя вести станутъ присущими чертами тѣхъ, которые, въ настоящее время при своей наглости, разсчитываютъ на общее равнодушіе и трусливость.

Да и нельзя не сказать, что само дворянство, хотя увы, опять лишь на словахъ, не сознавало всю солидарность своихъ интересовъ съ интересами всего государства, raison d'être—служба Престолу и Отечеству, при непрерываемой связи съ русскимъ народомъ чрезъ землевладѣніе, по крайней мѣрѣ вотъ что читаемъ въ адресѣ, которымъ Московское дворянство благодарило Государя Александра III за рескриптъ Его отъ 21 Апрѣля 1885 года: «со времени Жалованной Грамоты все измѣнилось вокругъ, измѣнилось и положеніе дворянства. Личныя права и вольности, дарованныя дворянскому званію, распространились и на другія сословія, становясь всенароднымъ достояніемъ. Но остается первенствующее сословіе народа, исконно служившее Русскому Царству въ его созданіи и управленіи и неизмѣнно хранящее свое неотъемлемое, ибо прирожденное ему, право быть въ первомъ ряду на службѣ Престолу и Отечеству и, по слову Жалованной Грамоты, «не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной, когда таковая Россійскому Самодержавію потребна будетъ». Во Всемилостивѣйшемъ Рескриптѣ Вашего Величества мы слышимъ призывъ къ дворянской службѣ. Богъ да поможетъ Вамъ, Государь, обратить на пользу общую государственный и вмѣстѣ земскій духъ Русскаго дворянства, дорогое наслѣдіе отечественной исторіи, изъ рода въ родъ идущій завѣтъ вѣрности долгу и чести. Призывая дворянство къ новой службѣ, мудрая попечительность Вашего Величества направляетъ свои заботы прежде всего къ поддержанію потрясеннаго дворянскаго землевладѣнія. Только крѣпкое землѣ и сильное своимъ землевладѣніемъ дворянство можетъ успѣшно нести свойственную ему и для всѣхъ полезную службу.... Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи дворянство, какъ сословіе, не имѣетъ особыхъ интересовъ, которые могли бы разнить его съ другими сословіями. Нѣтъ ни одной нужды народной, ни одной государственной потребности, которая не была бы и его нуждой, и его потребностью. Дворянству дорого то и только то, что дорого для всѣхъ: неприкосновенность верховныхъ правъ Самодержавной власти, которою все зиждется и держится въ нашемъ отечествѣ, цѣлость, единство и честь государства, утвержденіе порядка и обезпеченіе всякаго права».

Признаемъ излишнимъ дѣлать болѣе сжатые выводы,—это было бы повтореніемъ, тѣмъ болѣе, что указанное нами въ общихъ чертахъ требуетъ болѣе детальной обработки, въ данное время преждевременной. Мы старались указать и оправдать тѣ начала, которыя должны быть положены въ основаніе реорганизаціи дворянскаго сословія въ Имперіи, при непремѣнномъ условіи не только его сохраненія, но возвращенія утраченнаго имъ политическаго значенія. Закончимъ нашъ трудъ въ видѣ искренняго пожеланія государству и дворянству выпискою заключительныхъ словъ Великаго Князя Дмитрія Васильевича Донскаго при смерти, обращенныхъ къ боярамъ: «съ вами я царствовалъ и Божіею помощью враговъ своихъ низложилъ; съ вами великое княженіе вельми укрѣпилъ, миръ и тишину княженію своему сотворилъ и державу отчины своей соблюлъ; вами городъ держалъ и великія волости, къ вамъ имѣлъ великую любовь и всѣхъ васъ чествовалъ, съ вами радовался и скорбѣлъ»; и дай Богъ, чтобы россійское благородное дворянство, подобно своимъ предшественникамъ—Московскимъ боярамъ, которые въ трудныя времена «дѣйствительно служили добрую службу и своему княжескому роду и всей землѣ», поскорѣе заслужило и отъ своего Верховнаго Вождя такія чувства, въ которыхъ, по мнѣнію нашего историка Д. И. Иловайскаго, хотя, «выражаются идеальныя отношенія между княземъ и его боярами, но самые эти идеалы и показываютъ, къ чему стремились и должны были стремиться обѣ стороны для того, чтобы великое княженіе успѣвало въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ.» (*)

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

(*) Исторія Россіи т. II.